

Вестник
Книги

КОНАН И ТРИРЫ ХАЙБОРДИИ

Annotation

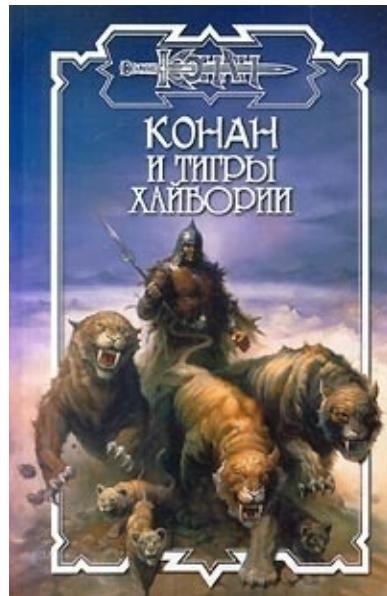
...Конан, следопыт-наемник аквилонской армии в форте Тускулан, что на границе с Пиктской Пущей. По просьбе Дианоры, дочери первого советника короля Аквилонии, участвует в спасении двух аквилонцев, оказавшихся за Черной Рекой, в плену у пиков...

•

Джей Болтон

Охотник

Ненастным дождливым днем, в час, когда солнце стоит в зените, в Восточные ворота Велитриума въехали двое всадников.

Промокшие часовые проводили их хмурыми взглядами. Удивление на короткое время развеяло их мрачные мысли, прервав сетования на злодейку-судьбу и болвана-десятника, по милости которых бывалые вояки были вынуждены мокнуть под дождем, топчась по колено в грязи.

Собственно говоря, в облике заезжих путников не было ничего необычного, если не считать того, что одним из них была женщина — золотоволосая красавица с удлиненным лицом и резко очерченным подбородком, высоким лбом и огромными зелеными глазами, в которых явственно читалась холодность и презрение ко всему белому свету.

Девушка была одета в дорожный костюм мужского покроя, который, впрочем, никак не скрывал ее женственных форм. Женщина всегда остается женщиной, даже если она с ног до головы забрызгана грязью.

То же можно было сказать и о коне благородной всадницы — великолепном гирканском жеребце, который хотя и выглядел совершенно измотанным, все равно вызвал бы восторг у самого придирчивого знатока.

Спутник девушки почти не привлекал внимания: мужчина средних лет, невысокого роста и невзрачный с виду. Он еле держался в седле от усталости.

С бледного лица уныло смотрели на мир бесцветные глаза, в которых явственно читались страдание и неуверенность. Но никто ему в глаза не заглядывал, а иначе увидел бы в них и нечто большее...

На бедре девушки висел кривой туранский меч — вещь редкая в западной Аквилонии. Мужчина, если и имел оружие, то на виду его не держал.

Путники остановились в лучшей таверне Велитриума.

Не позабочась даже смыть с себя дорожную грязь, красотка нанесла визит наместнику Конаджохары. Ее спутник с ней не пошел: не столь сильный духом, он уже спал, когда она переступила порог постоялого двора.

Наместник принял ее, даже не пытаясь скрыть свое изумление, которое мгновенно переросло в беспокойство, едва загадочная незнакомка произнесла свое имя:

— Дианора Салли-Тайн...

— Салли-Тайн?! Ох, простите, госпожа, но Гортес Салли-Тайн...

— Мой отец, — коротко ответила девушка, предупреждая его вопрос. — Я нахожусь в Велитриуме по личному делу, в котором рассчитываю на вашу поддержку, — красотка обворожительно улыбнулась, и глаза старого наместника стали приторно маслянистыми, — и очень надеюсь, что вы не станете слишком распространяться на эту тему.

— О, вы можете быть уверены, госпожа, в моей преданности, — залебезил перед ней старик, бросая строгий взгляд на офицера, сидевшего за столом напротив его кресла.

Тот молча поклонился девушке с видимым равнодушием на

скучающим лице и снова сел на прежнее место. Дианора окинула его пристальным взглядом.

— Валлан, комендант форта Тускулан, — небрежно представил офицера наместник. — Прибыл с приветом от пиктских друзей. Ступайте, Валлан, зайдете ко мне позже... ближе к вечеру.

— Нет, — Дианора подняла руку. — Форт Тускулан? Вы его комендант?

— Да, госпожа, — спокойно ответил воин, ничуть не удивленный появлением столь именитой гостьи, чей отец занимал один из высших постов в Аквилонии.

— Тогда останьтесь, прошу вас! — не обращая внимания на обиженного наместника, Дианора подошла к Валлану.

— Скажите, вы знали человека по имени Клавдий?

— Да, я помню его, — бесстрастно ответил офицер, лишь в серых глазах его засветился огонек любопытства.

— Клавдий? Я тоже встречал этого человека! — восхитился наместник, обрадованный возможностью обратить на себя внимание. — Не так давно он приезжал в Велитриум, — чиновник вдруг осекся и торопливо отвел взгляд, — очень достойный юноша... из благородной семьи, высокого ума, и строгих правил... так сказать.

Горящие глаза девушки были устремлены на коменданта и в них читалась такая вселенская скорбь, что Валлан невольно потупил взор.

— Мне известно, что он попал к пиктам в плен, — сказала Дианора бесцветным, но твердым голосом, хотя было видно, что это стоило ей немалых усилий.

Валлан вздохнул и утвердительно кивнул в ответ, по-прежнему избегая взгляда ее пристальных глаз.

— Дикий край... — проворчал наместник, открыл было рот, чтобы что-то добавить, да так и не нашел, что сказать.

Девушка, не обращая на него внимания, смотрела на молодого офицера, будто ожидая, что этот спокойный, уверенный в себе человек, даст ей надежду... хотя бы слабую ее тень.

Но он лишь покачал головой.

— Госпожа, все, что смогли мы узнать, так это то, что Клавдий, действительно, был пленен пиктами клана Змеи вместе с одним из своих спутников. Во всяком случае, их тел не нашли на месте той бойни, простите.

— Продолжайте, — безжизненно бросила Дианора, смертельно побледнев.

Она медленно повернулась и подошла к окну, чтобы скрыть набежавшие слезы.

— Увы, мне больше нечего добавить... — Валлан пожал плечами.

— Кроме того, что Клавдий, по всей вероятности, уже мертв? — с приподыханием спросила девушка, не поворачивая головы.

— Даже не зная обычаем пиктов, можно в этом не сомневаться, — беспощадно ответил он.

— Вы пытались его искать?

— Небольшой отряд отправился в погоню по горячим следам... Назад из них никто не вернулся.

— Почему же вы не отправили второй отряд? Третий? Десятый?! — вспыхнула Дианора.

Она резко повернулась на каблуках, глаза ее высохли и метали жгучие молнии.

Несчастный наместник с тревогой покосился на дорогие ковры, украшавшие стены его кабинета.

— Я могу приказывать людям идти на смерть, когда враг стоит у стен форта, — холодно ответил Валлан, смело встречая ее негодуший взгляд. — Но не стану напрасно рисковать жизнью даже самого нерадивого солдата.

Девушка в отчаянии закусила губу. Лицо наместника приняло тоскливо выражение — в ее начальственном гневе, он уже видел для себя большие неприятности по службе. Неожиданно спокойным голосом она сказала: — Клавдий жив, я уверена в этом. Выдержка и тут не изменила Валлану — ни один мускул не дрогнул на лице воина, но Дианора уловила легкую тень сочувствия мелькнувшую в его грустных глазах и слезы вновь затуманили ее взор.

Страясь держать себя в руках — а это было очень нелегко для гордой и избалованной дочери высокопоставленного вельможи — она решила объясниться до конца:

— Так утверждает Клодий. Он — маг и чародей. Найти человека пусть даже за тысячу лиг, для него сущий пустяк. Спросите его сами! Сейчас он в таверне, но можете за ним послать... Он лично знал Клавдия, и не мог ошибиться! Я уверена!

Валлан и наместник переглянулись. Во взгляде последнего читалось отчаянье.

Будучи человеком не слишком большого ума, наместник короля Нумедидеса, тем не менее, уже достаточно долго служил в Пограничье, чтобы питать даже ничтожные иллюзии насчет пиктского благородства и

их радушного отношения к пленным.

Мучительная смерть у Столба Пыток — вот удел тех, кого злосчастная судьба бросала в лапы лесных дикарей.

Порой истязания длились по несколько дней, но две полных луны — это чересчур... Валлан тоже прекрасно знал это, как и многое другое, поскольку жил с пиктами в гораздо более тесном соседстве.

Но непоколебимая уверенность, слышавшаяся в словах Дианоры, заставила его засомневаться. В голосе девушки звучала сила, способная заразить своих слушателей и убедить их в том, что солнце встает на западе.

Валлан уважал это качество в людях и в восхищении взглянул на знатную аквилонку, казавшуюся ему до этого капризной и взбалмошной девчонкой.

— Сейчас отношения с пиктами напряженные, как никогда, — медленно заговорил он. — Даже тех немногих вождей, что относились к нам лояльно, как будто кто-то подменил, — быстрый взгляд на наместника, преисполненный презрения и досады, и вряд ли имеющий отношение к истории с Клавдием. — Так, что, сожалею, но ни с кем из пиков мы не сможем переговорить о судьбе королевского эмиссара.

— Нельзя ли отправить отряд на поиски? — не теряя самообладания, спросила Дианора. — Найдутся ли среди ваших солдат решительные, смелые люди, способные на благородное дело? Клодий укажет им путь... А уж моя благодарность не будет знать границ!

Валлан задумчиво смотрел на нее, с трудом веря своим ушам.

— Среди солдат — нет, — наконец произнес он, взвешивая каждое слово. — Отчаянных голов в гарнизоне хватает, но самоубийц среди них вы не найдете. Человек долго не выживет в Пиктской Пуще, а мертвым не нужны горы золота. Но есть среди жителей Конаджохары люди, которым доводилось не раз бывать за Черной Рекой и возвращаться обратно живыми. Это — разведчики, следопыты. Жалование у них солдатское, да и то все время задерживают, — снова быстрый взгляд в сторону наместника, который на сей раз его заметил и недовольно сдвинул брови. — Эти люди — настоящие волки. Вам лучше бы с ними поговорить.

— Вы не можете им приказать? — Дианора зловеще прищурила глаза. — Ведь они простые наемники...

— Вовсе нет, — отрезал Валлан, не обращая внимания на яростный блеск зеленых глаз. — Деньги они получают за выполненную работу. Прошу прощения, но вы там у себя в столице привыкли отдавать приказы, а понятия не имеете о нравах жителей Пограничья. Их можно привлечь блеском золота, но заставить — никогда! Имейте это ввиду, если будете

разговаривать с ними... К счастью, лучший из следопытов сейчас как раз в форте. Мы еще застанем его, если прямо сейчас выедем из Велитриума. Я на это очень надеюсь...

— Едем! — Дианора стремительно направилась к двери.

— Но мой доклад, госпожа...

— Поезжай с ней, умоляю тебя! — прошептал наместник. — Доклад может и подождать! И не говори с ней таким тоном, болван!

«Сам ты болван! — подумал Валлан, сбегая по лестнице следом за Дианорой. — Девицу эту высечь бы не мешало, раскомандовалась тут, столичная штучка. Баба, а та еще, с гонором. Здесь Конаджохара, а не Тарантия, здесь сначала бывают, а потом выясняют, где учатся подобному высокомерию. И не посмотрят, что она женщина... Но, да простит меня Митра, какая прекрасная женщина!»

Вечером того же дня Дианора вместе с Клодием и Валланом прибыла в форт Тускулан.

К сожалению напряжение последних дней и бессонные ночи взяли свое и все разговоры со следопытами пришлось отложить до утра: девушку сняли с коня полумертвую от усталости и отнесли в лучшую комнату на единственном в Тускулане постоялом дворе.

Валлан сперва хотел пригласить гостей в собственный дом, но потом передумал: он ютился в двух крошечных комнатах и обходился без прислуги — в собачьей будке обстановка уютней, чем в его холостяцком жилище.

А постояльный двор, несмотря на то, что стоял на самой границе цивилизованного мира, содержался в порядке и чистоте, как, впрочем, и все в хозяйстве Валлана, кроме собственного его жилища.

Нехитрая, но сытная еда, соломенный тюфяк и крыша над головой — что еще нужно простому солдату?

Дианоре, в ее близком к обморочному состоянии, было все равно, куда падать. Клодию — и подавно: ему не дали выспаться в Велитриуме поэтому он, даже ужина не дождавшись, отправился в свою комнату и приказал не беспокоить его, даже если пикты пойдут приступом на Тускулан.

Валлан же, устроив обоих, сразу же послал узнать, находится ли в форте человек, который нужен Дианоре.

Проснувшись на следующее утро, девушка не сразу поняла, где находится. Некоторое время она неподвижно лежала, бессмысленно глядя в низкий дощатый потолок, потом, вспомнив все, резко села в кровати.

Мышцы тотчас заявили решительный протест. Дианора даже зашипела

от боли, словно рассерженная кошка, но тут же, разозлившись на себя, встала на ноги.

Как истинная дочь аквилонского дворянина, она всегда была о себе высокого мнения, и не могла примириться с телесной немощью. Подумаешь, мышцы ноют! Она знает средство, которое заставит их замолчать.

Девушка спала одетой, лишь кто-то — уж не Валлан ли? — стащил с нее сапоги и перевязь с мечом. Вечером Дианора была неспособна даже на это, и при воспоминании о вчерашнем дне на бледные щеки аквилонки набежал легкий румянец стыда.

Недолго думая, она сбросила с себя всю одежду и схватила лежащий на столе меч.

С легким шелестом клинок покинул ножны, и обнаженная сталь блеснула в солнечном луче, дробившимся сквозь неплотно закрытые ставни. Хищно изогнутый клинок описал дугу, на короткий миг замер в крайнем верхнем положении, а потом бешено заметался в полутемной комнате, заставляя стонать рассекаемый им воздух.

Туранский меч, казалось, жил своей собственной жизнью: рука и тело следовали за ним, повинуясь любой его прихоти. Дианора, стараясь не обращать внимания на тупую боль в мышцах, и стиснув зубы, яростно делала выпады и повороты.

Ее боевые приемы были стремительны и четки, дыхание оставалось ровным и глубоким, движения ног — безупречны. Она была настоящим мастером меча, знала об этом и гордилась своим искусством.

Потратив достаточно времени на упражнения, Дианора почувствовала себя родившейся заново. Она опустила меч и, подойдя к двери, пинком распахнула ее настежь.

— Эй, кто-нибудь!.. Воды!

Пробегавший по коридору мальчишка-слуга в замызганной тунике, увидев стоящую в дверях голую женщину с мечом в руке, застыл на месте, разинув от удивления рот.

— У тебя что, ноги приросли к полу? Воды для умывания — быстро! — беззлобно прикрикнула она и, звонко рассмеявшись, глядя, как тот улепетывает по коридору.

Дианора захлопнула дверь, бережно вернула меч в ножны. Подойдя к окну, распахнула протестующе заскрипевшие ставни.

Солнечный свет хлынул в комнату и девушка, закинув руки за голову, зажмурила глаза и замерла на несколько мгновений, с удовольствием отдаваясь живому ласковому теплу.

То, что ее могут увидеть с улицы, никак не смущало аквилонку, равно как и мальчишка-слуга, чуть не упавший в обморок, столкнувшись с ней на пороге, — надменность часто заменяла ей стыд.

Валлан — тут дело другое, в нем она чувствовала равного себе, — единственный во всем этом захолустье человек ее круга.

Вскоре появилась и вода, но принесла ее женщина почтенных лет, а не мальчишка.

— Комендант форта уже пришел? — спросила Дианора, подходя к лохани.

— Нет, госпожа, — ответила женщина, глупо хлопая на нее большими, как у коровы, глазами.

— Когда явится, пусть подождет... Ступай, я справлюсь сама.

Вскоре Дианора, бодрая и посвежевшая, спустилась в общую залу. Здесь было тихо и почти безлюдно, если не считать двух человек, сидевших напротив друг друга за отдельным столом, на котором громоздилась целая гора всевозможной снеди.

Одного из них, сидевшего к ней лицом, Дианора сразу узнала.

— Клодий!

Чародей вскинул взгляд и, увидев ее, стал торопливо подниматься навстречу. При этом он был так неловок, что толкнул столешницу и опрокинул кувшин, содержимое которого обильно оросило тунику и штаны его собеседника. В ответ тот выдал такую тираду замысловатых ругательств, что пораженная Дианора так и застыла на месте, беспомощно хлопая ресницами. Человек, впрочем, высказался совершенно беззлобно: судя по тону, он просто посетовал на жизнь и даже пожалел растерявшегося мага — большой уже, а такой увалень!

Облегчив свою душу, он повернулся к Дианоре — жалобно скрипнула лавка — и на девушку с любопытством уставились голубые глаза, сапфирами сверкавшие на смуглом, иссеченном шрамами лице.

— Садись, красотка, поговорим. Валлан вчера рассказал мне суть дела, но я хотел бы обсудить с тобой некоторые детали, — дружелюбно пригласил он.

Оторопев, Дианора смотрела на сидевшего перед ней исполина.

Это был настоящий великан: даже сидя он смотрел на нее сверху вниз. На вид ему было лет сорок или около того. Широкие плечи, могучая грудь и обнаженные руки, в переплетении канатов литых мышц, свидетельствовали о его потрясающей силе.

Лицо гладко выбрито, одежда — обычная для жителей Пограничья: туника без рукавов из грубой холстины, перехваченная в поясе широким

ремнем, кожаные штаны и высокие сапоги со шнурковкой. За пояс был заткнут недлинный кинжал с рукоятью из оленьего рога. Двуручный меч в потертых ножнах лежал на лавке рядом с гигантом.

Даже в кошмарном сне Дианоре не могло присниться, что какой-то простолюдин посмеет обозвать ее «красоткой». Так обращалась грубая солдатня к грязным уличным девкам. Необходимо немедленно поставить на место этого неотесанного мужланы, но девушке вдруг вспомнились слова Валлана, сказанные накануне об этих следопытах, или как он их там называл. Досадуя за вынужденную сдержанность, она ограничилась кратким ответом:

— Я — дочь первого советника короля Аквилонии.

Сказано это было тоном, от которого любой из ее многочисленных поклонников тут же бросился бы на меч. Этот тон не оставлял надежды не то что на дружеское участие, а даже на самое пустяшное снисхождение. А если слова подкреплялись еще испепеляющей молнией из горящих гневом зеленых глаз...

Но этот грубиян, даже не подумавший встать при появлении первой красавицы Тарантии, лишь приветливо кивнул ей в ответ.

— А я — Конан. Здесь меня называют киммерийцем, я родился в этой стране. Садись же... госпожа.

Едва заметная пауза и ирония, мелькнувшая в глазах гиганта, заставили Дианору призадуматься.

«Этот Конан не такой уж чурбан, как кажется сперва. Варвар-киммериец?.. Но вовсе не глуп. Я не позволю никому, смеется надо мной. Этого я ему не прощу, он еще пожалеет... Но сначала о деле.»

Закусив губу, девушка присела на край замызганного стула.

На мгновение между ними повисло молчание: она не знала, с чего начать и проклинала Валлана, который так и не соизволил появиться.

Киммериец же откровенно любовался ее красотой. Дианора это даже не сразу поняла, а когда поняла, то запылала вся до самых кончиков волос.

«Да как он смеет!..»

Но ее гнев смешался странным образом с непонятным ей самой и неведомым до сей поры удовольствием: никто из ее воздыхателей, даже Клавдий, не смотрел на нее так, с такой поистине плотоядной жадностью. Это придало ей уверенности, и уязвленная аквилонка позлорадствовала в душе.

«Смотри, смотри, одними глазами съят не будешь...»

Почувствовав себя немного отомщенной, Дианора, заговорила:

— А где же комендант? Я надеялась, что он будет присутствовать при

нашой встрече.

— У Валлана куча дел, — махнул рукой Конан. — Ночью умчался на юг; Там пикты напали на какую-то ферму, гонец чудом добрался до форта, и комендант повел на выручку полторы сотни лучников. Если они успеют, то пиктам не поздоровится: этим размалеванным куклам не устоять в открытом бою. Боссонцы — народ крепкий и дерутся отважно. Я бы сам с удовольствием отправился с ними, но Валлан попросил меня встретиться с вами. Так что, рассказывайте.

И Дианора вдруг неожиданно для себя самой, выложила все на чистоту:

— Человек, которого я люблю, находится в плена у пиктов. Помоги мне, Конан. За спасение Клавдия я ничего не пожалею.

Выплеснула всю накопившуюся боль, чуть не зарыдав на глазах у этого варвара, как последняя простолюдинка. Но именно это и сыграло свою положительную роль.

Киммериец наморщил лоб и сочувственно вздохнул.

Простые слова, идущие из глубины сердца девушки, тронули гиганта-варвара.

Женщина умоляла его о помощи, и неважно, кто она. Конан не мог не откликнуться на ее зов, вырвавшийся из исстрадавшейся души: это бы шло вразрез с его варварским кодексом чести, которому он ни разу не изменил за всю жизнь. К тому же дело сулило немалую прибыль...

— Ладно, — согласился киммериец. — Но кое-что я хочу прояснить. Я помню, как пропал этот Клавдий, сам был на месте резни, но по следу не ходил: Валлан послал меня с другим поручением. Несомненно одно: двоих аквилонцев пикты утащили за Черную Реку. Один из них был королевский посланец, этот ваш Клавдий, второго я не знал...

— Ты встречался с Клавдием? — перебила его Дианора, чувствуя, как скжалось в груди ее сердце.

Конан с сомнением покачал головой и пояснил:

— Видел мельком. Ему было не до меня, да и я к нему дел не имел. Но, суть не в этом. Я слышал о двух или трех случаях, когда попавшие в плен к пиктам люди сумели бежать. Им везло, очень сильно везло, понимаете? Но даже если удача будет вести вас за руку, для побега этого недостаточно. Те парни были родом из Конаджохары, не новички в лесу, а Клавдий — изнеженный городской житель как большинство аквилонцев, он и леса то отродясь не видел, а о пиктах вообще представления не имел. Так что убежать и скрываться в чащобах он не мог. Еще менее вероятно, что пикты до сих пор его не убили.

— Все так говорят. Тем не менее, он жив, — вступил в беседу Клодий, моргая белесыми глазами.

— Да, я уже слышал эту глупость, — проворчал Конан, исподлобья взглянув на мага. — Прямо говорю: поверить в нее может лишь тот, кто ни разу пикта живого не видел.

— Но, Конан... — с отчаянием запротестовала Дианора.

— Я обещал помочь — и помогу! — резко прервал ее киммериец. — Мы найдем кого-нибудь из клана Змеи и сумеем выжать из него все, что он знает о Клавдии и его спутнике. В любом случае узнаем правду. И не моя будет вина, если ваши надежды не сбудутся.

— Разумеется, — бессильно согласилась Дианора. — Вознаграждение ты получишь независимо от результата.

Ее вялый голос плохо вязался с подозрительно вспыхнувшими глазами.

— Договорились, — удовлетворенно кивнул Конан. — Выйдем ночью, так что, Клодий, за день ты должен высаться, чтобы упаси тебя Небо, не зевал, когда ступим в лес... Надо повидать кое-кого из моих друзей, — продолжал киммериец, говоря, как бы сам с собой. — Возьму трех — четырех человек, самых лучших... Да, на такое дело согласиться не каждый из следопытов!

— Конан, а ты сам часто бывал за Черной рекой? — полюбопытствовал Клодий.

— Я исходил вдоль и поперек всю Конаджохару, но на той стороне бывал всего несколько раз, и далеко не заходил. Другие следопыты знают тот берег еще хуже меня. Если говорить прямо, то почти никто там не хаживал. Но не волнуйся, колдун! Ты, главное, указывай путь, а мы пройдем где угодно и тебя притащим.

— А пикты? — дрожащим голосом спросил Клодий.

— Ах да, пикты. Надо же, я совсем забыл о них. А еще о львах и медведях, змеях и демонах из болот....

— Б-болотных... что?

— Ладно, колдун, успокойся, я не хотел тебя пугать! — засмеялся варвар, довольный собственной шуткой. — Опасности есть всюду, просто в Конаджохаре их чуточку больше.

Он поднес ко рту кувшин с вином и осушил его одним глотком.

— Пока мы давали работу языку, мой желудок совсем заскучал. — Варвар взял с блюда баранью ногу и впился в нее крепкими зубами. — Давайте, в конце концов, перекусим! Когда еще доведется поесть досыта...

Клодий уныло смотрел на свою тарелку с тушеным мясом, но мысли его были далеки от аппетитно пахнущего блюда.

Дианора, наоборот, вдруг почувствовала, что страшно голодна.

Она попыталась вспомнить, когда ела в последний раз, но не смогла, поэтому охотно последовала примеру Конана.

— А ты, госпожа, — говорил Конан с набитым ртом, — не скучай. Конечно, Тускулан не самое изысканное на земле место, но, по крайней мере, здесь безопасно — стены крепкие, гарнизон многочисленный, Валлан — дельный начальник. Да пикты и не полезут в форт, сейчас они больше грызутся друг с другом, хотя и о нас не забывают. Но мы пока им не по зубам.

— Пока? — переспросил Клодий.

— Пока пикты не объединятся, — пояснил Конан, метко швырнув обглоданную кость в открытое окно. — Если это случится, то не устоит ни Тускулан, ни Велитриум.

Дианора вздрогнула — слова киммерийца показались ей чересчур зловещими.

Послушай, Конан, — медленно проговорила она. — Мне кажется, ты кое-что не понял.

— Чего я не понял? — удивился киммериец.

— Я не останусь в Тускулане, я иду вместе с вами.

* * *

Солнце с утра только подразнило: после обеда оно, как и вчера, скрылось за низкими облаками, и снова стал накрапывать дождь.

К ночи он прекратился, но плотная облачная пелена скрыла звезды.

Что до луны, то ее никто и не ожидал — была пора новолуния.

В кромешной темноте длинная лодка плавно скользила по Черной Реке, направляясь к недалекому и такому пугающему западному берегу. Опытные гребцы без малейшего всплеска слаженно работали веслами.

Суденышко двигалось не спеша, без рывков, и Дианора сидящая рядом с Клодием, вдруг испытала панический приступ страха: ей, потерявшей в непроглядной темноте и полной тишине всякое представление о времени и расстоянии, показалось, что она падает в какую-то бездонную, черную пропасть, летит, летит и будет лететьечно...

Хотелось закричать, чтобы прогнать наваждение, и девушке лишь с огромным трудом удалось себя сдержать. Рука Клодия судорожно сжала ее плечо.

— Тише! — скорее угадала, чем услышала она его голос.

И это помогло: волна страха схлынула так же быстро, как накатила. Осталась только дрожь, вызванная то ли возбуждением, то ли сыростью и ночной прохладой, то ли ледяным прикосновением колдуна.

Легкий толчок — и лодка ткнулась носом в берег. Бесшумные, как лесные духи, пять следопытов с Конаном во главе, покинули легкое суденышко; с двумя их спутниками проблем тоже не было — они сидели неподвижно пока сильные руки не подхватили их и не вынесли на твердую землю.

Лодку столкнули в воду и она, тихо покачиваясь, поплыла по течению. Как еще днем объяснил киммериец — это являлось лучшим выходом: едва минет ночь, членок будет пиктами обнаружен, что вызовет неминуемую погоню. Вытаскивать лодку на берег и прятать ее — еще хуже: долго, шумно и в темноте надежно не спрячешь.

«А когда будем обратно идти, — сказал Конан, с раздражающей, по мнению Дианоры и Клодия, беспечностью, — тогда и поразмыслим, как переправиться через реку.»

Дианора злилась на себя, что слишком много думает о собственной безопасности. Ведь речь шла о жизни Клавдия!

Клавдия — любимого, дорогого ей человека, ее жениха, ради спасения, которого она не должна, не имеет такого права, думать о предательских пиктских стрелах и безжалостных звериных клыках.

Тем не менее, она о них думала! И ничего не могла с этим поделать.

Конан рассчитывал пристать к пиктскому берегу в том месте, где начиналась известная ему дорога.

И это варвару удалось. Каким образом, в такой-то темноте — уму непостижимо. Их маленький отряд, соблюдая строжайшую тишину, быстро двинулся вглубь страны пиков. Конечно, при движении по тропинке возрастал риск попасть в засаду, но их предводитель решил рискнуть. Сейчас главным делом для них было уйти как можно дальше от берега. Извилистая лесная тропа совсем не походила на чистые и широкие улицы Тарантии, но идя через чащу, Клодий и Дианора, подняли бы на ноги всех пиков в округе.

Им повезло: ни одного дикаря не занесла его темная судьба погулять на лесную тропинку. К исходу ночи отряд прошел не меньше пятнадцати лиг и, когда наступил предрассветный час, следопыты свернули в чащу, уже не слишком опасаясь потревожить сон пиков треском валежника под ногами.

Несмотря на то, что отряд шел всю ночь, сейчас, свернув с тропы и пробираясь сквозь девственные заросли леса, они не пошли медленнее.

Конан торопил.

Громадный киммериец не чувствовал усталости, и то же можно было сказать о его людях, привыкших к длительным переходам по бездорожью. Иное дело — Дианора и Клодий. Девушка — взмокшая, исцарапанная, растрепанная, лишь гигантским усилием воли заставляла себя переставлять непослушные ноги. Не лучше выглядел и Клодий. И без того бледный колдун стал вовсе землисто-серым, а водянистые глаза его напоминали глаза дохлой рыбы.

Наконец, когда сумрак рассеялся, Конан, шедший впереди, остановился и поднял руку.

— Надо отдохнуть и подкрепить силы, — сказал киммериец. — Ну, а колдун, тем временем, пусть воздух нюхает. Дальше ему нас вести.

Клодий, никак не прореагировавший на насмешку, прозвучавшую в словах варвара, кивнул и, отойдя в сторону, присел у корней трехобхватного вяза.

Он бессильно прислонился спиной к стволу и устало прикрыл глаза.

Следопыты и Дианора уселись кружком — кто на корточки, а кто просто на землю. Дианора, с наслаждением переводя дух, с любопытством оглядывала тех, с кем ей придется делить все тяготы и опасности похода.

Накануне Конан не успел представить ей четырех своих спутников, а может и не счел это нужным, сказал только, что эти четверо — его друзья и лучшие следопыты во всей Конаджохаре.

— Вот хлеб, госпожа... — обратился к девушке один из следопытов, и Дианора вздрогнула от неожиданности.

Какое-то совершенно новое, ранее незнакомое чувство вызвало в ней протест и толкнуло ее ответить:

— Меня зовут Дианора, — она не уставала поражаться себе.

Конан насмешливо изогнулся дугой бровь. Но аквилонка повторила упрямо:

— Дианора... Не госпожа и никак иначе. Здесь в лесу мы равны, — над поляной повисло молчание, и девушка слегка повысила голос — Я прошу вас!

— Тише! — примирительно оборвал ее Конан. — Нам все понятно, зачем же шуметь.

Дианора замолчала, не найдя сочувствия ни в ком из следопытов и чувствуя себя среди них абсолютно чужой.

«Чего я собственно ожидала? — с досадой подумала она. — Я для них лишь тугой кошелек! Ради горсти монет они готовы терпеть мое присутствие и причуды, хотя предпочли бы меня здесь не видеть...»

Эта мысль глубоко уязвила честолюбивую аквилонку, и она, замкнувшись в гордом молчании, в течении всей остановки не проронила больше ни слова.

Конана нисколько не смутил ее неприступный вид, скорее он был только рад, что она попусту не открывала рот.

— Не люблю колдунов, — кивнув в сторону Клодия, проворчал киммериец.

Запив сухую корку изрядным глотком вина, Конан продолжил свою мысль:

— Я не про Клодия. Лично против него я ничего не имею. Но всю жизнь я старался держаться подальше от магов. Мне не везло. Слишком часто я сталкивался с чародеями самого разного сорта. К слову сказать, чем ничтожней колдун, тем большего жди от него зла.

Бледное лицо Клодия внезапно побагровело, но этого никто не заметил.

— Да, куда как веселее просто звенеть мечом, не думая, что тебя может поджидать какая-нибудь магическая дрянь, — вздохнув, закончил варвар. — Встречались мне, впрочем, и дельные чародеи... Но и к ним я никогда не питал нежных чувств. Эй, Клодий, иди к нам, поешь, а то того и гляди ноги протянем!

Колдун не ответил. Он тяжело поднялся на ноги, повернувшись лицом на север, но по-прежнему не открывая глаз.

Медленно разводя руки в стороны, Клодий на несколько мгновений застыл в этой позе, потом всем телом подался вперед, глухо проворчав что-то под нос.

Каждый из людей, сидевших рядом с ним, мог бы поклясться, что человеческое горло не может, просто не в состоянии воспроизвести ни один звук из услышанного. Лицо Клодия изменилось до неузнаваемости.

Резкий порыв ветра заставил застонать качнувшиеся деревья, воздух вокруг чародея таинственно замерцал, сама же фигура мага на краткий миг исказилась, будто преломленная в мутном стекле.

Целый рой мерцающих зеленоватых искр взвился смерчем вокруг него, и неожиданно, будто подхваченный ветром, умчался в лесную глуши, где и исчез, словно растворился между древесных стволов, лишь несколько мгновений еще виднелся, оставленный им, но быстро бледнеющий изумрудный след.

Конан уже стоял рядом с Клодием, держа обнаженный клинок у его горла. Выражение лица варвара не сулило ничего хорошего магу.

Дианора не успела даже заметить, когда Конан сорвался с места и

успел выхватить меч из ножен: киммериец, несмотря на гигантский рост, двигался настолько стремительно, что глаз едва мог это уловить.

Первое, что увидел Клодий, выйдя из транса, было острие меча, нацелившееся ему прямо в лицо.

— Э... — бессвязно проблеял он, с ужасом косясь на застывший у горла клинок.

— Колдун, — угрожающе приступил к нему Конан. — Я никогда не поверю, что для простой ворожбы тебе потребовалось устраивать весь этот цирк.

Клодий вдруг успокоился. Он коротко рассмеялся и презрительно пожал плечами.

— Не суди о том, чего не можешь знать, киммериец! — последнее слово в его устах прозвучало как оскорбление.

— Тебе лучше нам все объяснить, — сказал Конан с ледяным напором. — Клянусь Кромом, я кожей почувствовал злую силу, когда ты тут хрюпел в полуబреду... Благодари своих богов, что я не снес тебя голову сразу. Но, возможно, ты еще послужишь гиенам на ужин, если твои объяснения мне не понравятся.

— Конан! — запоздало крикнула Дианора, рванувшись к нему. — Ты сошел с ума!

— Нет! — грозно прорычал киммериец. — Я привык доверять своим чувствам!

Клодий не дрогнул, лишь успокаивающе кивнул Дианоре.

— Я все объясню, — устало сказал он. — Но позволь мне присесть! К тому же я ужасно проголодался...

Поколебавшись, Конан опустил меч. Но его голубые глаза внимательно следили за каждым, движением чародея: если что, то широкий клинок вонзется в череп мага быстрее, чем тот успеет пальцами щелкнуть. Следопыты молча стояли вокруг. Лица их были угрюмы, руки сжимали рукоятки мечей и кинжалов. Видно было, что произшедшее им понравилось не больше, чем их вожаку.

Кипя от гнева, Дианора встала перед киммерийцем. Ей пришлось высоко вскинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом.

— Что ты себе позволяешь, варвар?! — звенящим голосом выкрикнула она. — Клодий — мой давний друг, а ты...

— Вот что, красотка, — огромная ручища варвара опустилась на хрупкое плечо девушки и Дианора покачнулась, будто на нее обрушилась снежная лавина. — Ты знаешь, я не хотел брать тебя с собой. Ох, как не хотел! Ты все-таки уговорила меня — сам себе удивляюсь, но ты заставила

меня совершил поступок, о котором я уже сожалею и буду долго еще жалеть. Тем не менее, я позволил тебе идти вместе с нами. Но помнишь ли ты, на каком условии? Или твоей благородной натуре противно о том вспоминать? Я все-таки напомню: в лесу мое слово — закон! Здесь распоряжаюсь только я — и никто больше! За свои ошибки я отвечу перед Кромом. Если тебя это не устраивает, то мы немедленно возвращаемся за Черную Реку.

Дианора, кусая губы, потупила взор. Конан и не ждал от нее ответа.

— Говори и не смей лгать! — строго приказал он колдуна.

Клодий не спеша дожевал и проглотил свой кусок.

Чародей выглядел абсолютно спокойным и уверенным в себе. Губы его кривила презрительная усмешка.

Но Дианора, хорошо знавшая колдуна, который много лет прожил в доме ее отца в Тарантии, уловила странный блеск его глаз, яснее слов подсказавший ей, что маг необычайно взволнован.

— Все очень просто, — заговорил, наконец, Клодий, — следует признаться — как это не больно для моего самолюбия — что чародей я неважный. Увы! Я могу сказать, жив или нет человек, имея какую-нибудь его вещь. К примеру, вот эту фибулу, которой несчастный Клавдий застегивал плащ — Клодий извлек из кармана серебряную застежку очень тонкой работы и показал следопытам. — Могу указать место, где он находится. Но каждый раз это всегда занимает много времени и отнимает у меня уйму сил, да к тому же небезопасно. Я слышал, у пиктов тоже есть колдуны, и они могут почувствовать присутствие чужака в лесу.

— Ну и что с того? — спросил кто-то из следопытов.

— А то, что это расскажет им, что некий пришелец творит волшбу у них под носом. Как вы думаете, не пошлют ли они своих воинов, проверить, сколь крепко держится у этого непрошеного гостя голова на плечах?

Гробовое молчание было ему ответом.

— Поэтому я поступил проще и надежнее. Своим заклинанием я, как бы проложил дорогу от этой поляны до места, где томится Клавдий. Теперь по ней я могу вас вести хоть с завязанными глазами, ночью ли днем, в любую погоду, ни прибегая больше к колдовству.

— Но сейчас-то ты колдовал! — вскричал другой следопыт. — А мы находимся всего в четырех лигах от Гвовели!

— Точно, — мрачно подтвердил Конан. — А в этой деревне сидит один полуумный, но очень мерзкий шаман по имени Зогар Заг. И если он сейчас не спит, то наверняка уж почувствовал твою ворожбу. Мы уходим. И

как можно быстрее! Придется тебе теперь поработать ногами, колдун!

* * *

«... Пробуждение ото сна было резким, как удар. Оно даже причинило мне боль. Я понял что настал тот момент, ради которого я, собственно, существую. Кто-то ступил на Тропу. И мне безразлично, кем был этот «кто-то». Сотни веков назад мне приказали: «Стереги! Никто не должен пройти Тропой...»

С тех пор я просыпался лишь несколько раз и пускался в погоню за дерзким, осмелившимся нарушить Запрет — неважно, по глупости или незнанию. Это мой долг. Пришла пора исполнить его снова.»

* * *

«Опять месить грязь, перепрыгивать с кочки на кочку, продираться через колючий кустарник! А москиты! И роса еще не сошла, вон штаны — даром, что из кожи, промокли почти насквозь, отяжелели и трут, проклятые! Да укрепит Иштар мой дух!»

Дианоре было себя очень жалко. Иногда ей казалось, что их поход был задуман и осуществлен не ей, а какой-то взбалмошной истеричкой, начитавшейся героических саг. Что она делает здесь?! Куда идет?! Отец, наверное, с ума сходит от беспокойства...

А Клавдий? Конечно, он милый юноша, все их считали блестящей парой... хотя обещаний она ему не давала, но всем давно было ясно, что прочие претенденты на ее руку и сердце могут оставить свои притязания.

«Да, как я смею думать так, цинично и подло?!

Нет, я люблю его... поэтому и иду!»

Жалость тут же сменялась злостью на себя, которой, правда, надолго ее не хватало — лишь до очередной коряги, за которую она обязательно цеплялась ногами, или до следующего болота, откуда ее будут вытаскивать, прячущие усмешки следопыты.

Чтобы отвлечься, девушка принялась размышлять о своих спутниках. Четыре следопыта — под началом киммерийца и Клодий, — маг и друг, безнадежно в нее влюбленный, поверенный ее тайн, подаривший ей надежду на спасение Клавдия.

Тихо выругавшись, Дианора прихлопнула укусившего ее за шею

москита и окончательно вышла из себя.

«Ну нет, так легко я не сдамся! Если уж я была такой дурой, что решила бежать в эту глушь, то сейчас нужно помнить хотя бы о чести.»

Она снова сосредоточилась на следопытах. Конан так и не представил ей своих спутников, но в мимолетных разговорах их имена и прозвища звучали не раз.

Отвлекшись от тяжелых мыслей, девушка старалась представить себе и характеры этих неразговорчивых, хмурых людей. Это занятие так ее увлекло, что помогло сломить усталость и более терпимо отнестись к звенящим полчищам назойливых москитов.

Конан шел впереди, легко неся свое огромное, могучее тело, защищенное черной зингарской кольчугой.

Исполинского роста, он казался еще выше и внушительней из-за рогатого шлема, плотно облегающего его голову. В каждом движении киммерийца чувствовалась тигриная ловкость и неудержимая мощь, способная преодолеть любую преграду... По крайней мере, Дианоре хотелось так думать.

Следом за варваром, с самострелом наготове, шел следопыт по имени Хендрик Большая Лапа. Почти такой же высокий, как Конан, он был не так мускулист, как северянин, но жилист, по мнению Дианоры, до безобразия: девушке никогда ранее не доводилось встречать человека, чье тело напоминало сплетенные в жгут древесные корни.

Непомерные, просто чудовищные кисти рук нежно, будто младенца, обнимали гладкое ложе тяжелого арбалета.

Даже ничего не зная об этом человеке, можно было уверенно утверждать, что он — превосходный стрелок — ведь только люди, влюбленные в свое оружие, сроднившиеся с ним, могут относиться к нему так трепетно.

За Хендриком шел Клодий, за ним — сама Дианора.

Следом за девушкой, почти дыша ей в затылок, но так, что она даже не слышала шума шагов, следовал Солиус Обоерукий — невысокий крепыш с двумя мечами, которые он носил за спиной.

Колонну замыкал Сервах — не аквилонец, как можно было судить и по имени и по внешности следопыта: худой, горбоносый, чернобородый, с жгучими карими глазами — то ли шемит, то ли турец, неизвестно каким ветром занесенный так далеко от родных степей. Вооруженный острым кривым мечом, таким же, как у Дианоры, он шел на некотором расстоянии от основной группы.

Пятого следопыта, по прозвищу Кот, Конан послал вперед отряда.

Маленький и юркий разведчик, как никто другой подходил для головного дозора.

Эти люди, такие разные с виду, тем не менее, были как братья. Тяжелая жизнь полная опасностей и приключений, наложила на них свой неизгладимый след.

Это были суровые и беспощадные бойцы, настоящие волки, собравшиеся в стаю. Бесконечная война с пиктами стала их ремеслом, больше чем ремеслом, она стала их жизнью.

Дианора знала от Конана, что четверо его спутников, даже среди следопытов пользовались заслуженной славой непревзойденных воинов. И был только один человек, власть которого они признавали. Власть, данную ему не королем, а завоеванную им самим без громких титулов, без золота и лжи.

Этим человеком, был Конан.

* * *

«... Я скользнул сквозь миры, неспешно приближаясь к месту, откуда поступал тревожный сигнал. Я не спешил, просто знал, что времени у меня предостаточно.

Было даже немного жаль, что идти так недалеко...

Иногда любопытно оглянуться по сторонам, и увидеть диковинные земли, лежащие на пути.

Когда-то, давным-давно я любил путешествовать. Жажда новых ощущений казалась неугасимой, но... в конце концов, я везде встречал лишь одно и тоже.

Боги и демоны одинаковы всюду, а их создания только и заняты тем, что с упоением рвут друг другу глотки, правда справедливости ради надо сказать, что в последнее время они стали изобретательнее. Но прошли тысячелетия, прежде чем я это понял.

По воле тех, кто сделал меня Охотником, Гончим Псом, я выполняю свою работу. Если добыча ускользнет, то случится непоправимое — это еще одна причина, по которой я не могу, просто, не имею права не убивать.

Сейчас я скользил рядом с миром, где предстояло охотиться. Этот мир был знаком мне, я бывал тут и раньше и находил его не лишенным приятности. Кто же те, что посмели ступить за черту? Люди? Ну конечно же, кто же еще!

Я видел их, пробирающихся через древний лес, с которым у меня тоже

были связаны воспоминания. Надо же — прошла тьма веков, а лес все стоит, хотя и поредел и отступил перед человеком...

Шесть мужчин и женщина — семеро. Один из них знает Силу... Странно, неужели кто-то из смертных научился вызывать ее из Запредельного? Невозможно!

Я потянулся всеми своими чувствами к источнику этой Силы и чуть не закричал от неожиданной боли, ударившей меня изнутри. Тут же мне все стало ясно.

Человек, действительно, являлся носителем частицы Запредельного, небольшого осколка в виде камня, который он носил на груди.

Носил, совершенно не подозревая о его истинной ценности, не ведая всей мощи своего талисмана.

Как у него оказался осколок? Я этого не знал, но не сомневался, что узнаю о нем все, и очень скоро узнаю.

Охота началась!

Я пересек незримую границу и очутился на лесной тропе, где еще не успела подняться примятая людьми трава.»

* * *

Первый день похода заканчивался. Надо признать, что он прошел удачно — несмотря на то, что правый берег Черной Реки был довольно густо заселен пиктами, они не встретили ни одного дикаря.

Погони по их следу тоже не было: отлично зная пиктские повадки, Конан не сомневался, что если бы за ними гнались, то весь бы лес уже гудел от истошного воя воинов.

Другими словами, если кто и напал на их след, то они значительно опередили преследователей.

Но лицо Конана по-прежнему оставалось хмурым, как серое небо над их головами. День так и не разродился дождем, но низкая свинцовая облачность обещала им ненастную ночь. Причиной скверного настроения варвара был злополучный Клодий.

Киммериец не доверял чародеям вообще, и сейчас, выслушав ничего не значащие для него объяснения мага, в душе северянина осталось сомнение.

Отряд упорно двигался на северо-запад, следуя указаниям Клодия.

Колдун сказал, что в этом направлении им предстоит идти еще долго, возможно весь следующий день.

Все устали, Дианора еле держалась на ногах и шаталась, как трава на ветру. Конан уже подумывал о привале, когда издалека донесся тревожный крик сойки. Киммериец застыл, словно вкопанный, и предостерегающе поднял вверх руку.

Повинуясь сигналу, замерли остальные. Следопыты, настороженно, держа оружие наготове, Дианора и Клодий с тупой покорностью — просто радуясь неожиданной передышке.

Угасающий день казался тих и безмятежен. Спокойствием веяло от могучих деревьев, помнящих, наверное, еще битвы пиктов с атлантами. Глубоким сном спали обомшелые гранитные валуны, над которыми даже время не властно. Пахло прелой листвой. Где-то неподалеку журчал ручей. Издалека прилетел протяжный рык ночного хищника.

— Подождем, — обронил Конан, присаживаясь на камень.

Обнаженный меч он положил на колени.

— Что случилось? — едва переведя дух, спросила Дианора.

— Кот обнаружил пиктов, — нехотя ответил Конан.

Его глаза настороженно обшаривали густые заросли кустарника впереди. Дианора поежилась, очень живо представив себе, что оттуда, с расстояния всего в несколько пар шагов в любой миг может высочить целая толпа дикарей. Она решительно вынула из ножен саблю, встав за спиной киммерийца.

— Но поблизости пиктов нет, я уверен, — протестующе воскликнул Клодий. — Иначе бы я это чувствовал...

— И я, — медленно кивнул Конан. — А вот Кот их почувствовал, и пока он там не решит, что опасности для нас нет, мы будем тихо сидеть здесь и ждать.

— Почему ты считаешь, что тревога из-за пиктов? — недоверчиво спросила девушка. — Может...

— Не может, — грубо прервал ее Конан. — Если он крикнул сойкой, значит — пикты.

— А если кричала действительно сойка?

Конан только пожал плечами и не удостоил ее ответом.

Сервах широко улыбнулся, сверкнув белыми, как снег на вершинах гор, зубами.

— Не беспокойтесь, госпожа: ни один пикт не отличит голоса настоящей птицы от крика Кота. Он может легко обмануть дикарей, но не нас. Здесь ошибиться невозможно!

Несмотря на это любезное объяснение, Дианора обиженно насупилась.

— Я просила не называть меня госпожой, — недовольно буркнула она.

Сервах развел руками и галантно поклонился.

— Помолчите-ка оба, — строго приказал Конан.

Долгое время они провели в напряженном ожидании. Наконец появился Кот — неожиданно и без малейшего шума выступив из-за ствола дерева, будто призрак.

— Два десятка, — коротко бросил он, предварительно сплюнув. — Стоят себе лагерем, кабана потрошат. Пара часовых... Все в боевой раскраске.

— Какой клан? — поинтересовался Хендрик.

— Рыси.

— Решили пощипать Зогар Зага, — осклабился Большая Лапа. — Пусть! Жаль, самого представления не увидим.

— Могу я спросить?.. — подал голос Клодий, но на него не обратили внимания.

— Все не так просто, — продолжал Кот. — Надо ждать темноты, иначе мимо них не проскользнуть.

— Почему? — спросила заволновавшаяся Дианора; каждый лишний миг, проведенный в этом ненавистном ей лесу, казался девушке вечностью.

— С одной стороны — озеро. Если будем его обходить, то как раз к первому снегу и попадем, куда нам нужно, с другой — место открытое, чуть ли не в лигу шириной, там лес недавно горел. Другого пути нет... ну, или крюк придется делать.

— Что ж, тут не из чего выбирать, — проворчал Конан. — Или...

Киммериец, не договорив, обвел испытующим взглядом своих товарищей. Солиус Обоерукий хмыкнул явно утвердительно. Хендрик любовно погладил ложе самострела.

— Конан, их всего два десятка, — широко улыбнулся Сервах.

— Но, с другой стороны... — северянин пристально взглянул на спавшую с лица аквилонку.

— А мы их быстро! — горячо молвил Кот. — Я все разведал... Никто не уйдет.

— Вы хотите на них напасть? — с ужасом выдохнула Дианора, почувствовав, как кровь отхлынула у нее от лица.

— Похоже, что у нас просто нет выхода, — насмешливо ответил Конан. — Идти в обход долго, и к тому же никто не поручится, что пикты не обнаружат наш след. А тогда, клянусь Кромом, они забудут о Зогар Заге и бросятся бегом за нами.

Клодий кашлянул:

— Если мои скромные знания окажутся полезными. Я могу напустить туман или сделать кого-нибудь из нас невидимым...

— Тогда стань невидимым сам и ее забери с собой, — вполне серьезно посоветовал Конан, решительно поднимаясь. — И не впутывайтесь ни во что, предоставьте все нам.

— Я с вами, Конан, — внутренне холода, попросила его Дианора.

Все-таки в присутствие варвара и следопытов она чувствовала себя увереннее, чем под сомнительной опекой мага.

Киммериец хотел было возразить, но заглянув в ее умоляющие глаза, безнадежно махнул рукой.

Обоерукий проворчал что-то неразборчивое, и явно неодобрительное, но спорить с вожаком не стал. Кот же, наоборот, усмехнулся довольный и заговорщически подмигнул девушки.

— Дианора... — предостерегающе заговорил Клодий, уязвленный ее поведением.

— Не уговаривай меня, — обрезала она, — Зря время потратишь.

— Я видел женщин, которые владели клинком лучше многих мужчин, — поддержал ее Конан. — Надеюсь, что меч ты носишь не только для красоты. И хватит разговоров! Пошли, Сервах! — киммериец незаметно кивнул чернобородому следопыту, поручив ему присматривать за аквилонкой.

Тот улыбнулся в ответ. Дианора все поняла, но промолчала — на этот раз благоразумие одержало в ней вверх над гордыней.

Первого пикта убил Хендрик. Тяжелый арбалетный болт расколол голову дикаря, как спелую тыкву, пригвоздив тело к стволу лиственницы. Второй, обернувшись на глухой стук удара, даже не успел удивиться, если вообще смог что-либо разглядеть за тот последний миг, отмеренной ему жизни: нож Кота вошел точно под левую лопатку и воин умер мгновенно.

Лагерь дикарей располагался на единственном зеленом островке, чудом уцелевшем после недавнего лесного пожара.

Здесь, на самом берегу огромного озера горел большой костер, вокруг которого расположились смуглые обнаженные воины, разрисованные с ног до головы. Целиком полагаясь на бдительность сторожей, пикты и не думали смотреть по сторонам, поглощенные зажаренной тушей дикой свиньи.

Конан презрительно усмехнулся: эта беспечность им дорого обойдется.

Киммериец легко поднялся, и перепрыгнув через поваленный ствол,

устремился вперед.

Ближайший пикт успел вскочить и замахнуться на него топором.

Конан хлестнул с плеча, сверху вниз и, даже не посмотрев на медленно оседавшее на землю тело, в длинном выпаде пронзил второго врага.

Рядом с киммерийцем, лишь немного отстав шел Солиус. Именно шел — не прыгал, не делал головокружительных пирамид, а просто широко шагал с сосредоточенным, даже задумчивым лицом косаря. Воздух вокруг Обоерукого стонал, рассекаемый двумя мечами.

Иногда рука Солиуса стремительно вытягивалась вперед или резко опускалась, и тогда на истоптанную траву падал сраженный враг.

Хендрик Большая Лапа и Кот вступили в схватку чуть позже: когда все внимание пиктов было поглощено Конаном и Обоеруким, оба следопыта внезапно появились из зарослей, а мгновением позже Дианора и Сервах ударили дикарям в спину.

Невысокий мускулистый варвар бросился к девушке, потрясая медным топором. Дианора четко, как на тренировке, отвела удар и, не успев ни о чем подумать, выбросила вперед руку.

Острый, как бритва, турецкий клинок легко вошел между ребер воина, почти до самой рукояти.

Горячая кровь хлынула на руки девушки, и несколько капель попало ей на лицо.

Все получалось так просто... Дианора застыла посреди схватки, недоуменно глядя на вздрагивающее тело у своих ног.

Сильный толчок привел ее в чувства и, наверное, спас ей жизнь: качнувшись, она избежала удара шишковатой дубиной. Пронзительно свистнула сабля Серваха и голова пикта, описав дугу, с плеском упала в озеро.

Еще миг назад по всей поляне кипела яростная схватка — и вдруг все кончилось.

Прогалина была завалена поверженными телами пиктов, кое-кто еще корчился в предсмертной агонии.

Быстрый удар милосердного клинка избавлял раненых от страданий, а следопытов от риска, что случайно выживший пикт сможет помешать их планам.

К Конану, спокойно вытирающему меч, вразвалочку приблизился Кот. На лице — довольная гримаса, глаза блестят, как у волка, еще не утолившего жажду крови.

— Ни один не ушел, — сплевывая, сказал он, — как я и говорил. Что

будем делать? Так их бросим?

— Нет. Трупы — в озеро. Стервятники могут привлечь кого-нибудь из охотников, проходящих поблизости. Ты знаешь, что делать...

Кот сплюнул еще раз и направился к берегу.

Дианора вдруг почувствовала, как ее желудок сводит судорогой и на заплатающихся непослушных ногах она бросилась к ближайшим кустам, где наткнулась на Клодия, стоящего в нелепой позе на четвереньках. На миг колдун и девушка встретились взглядами и поспешили отвернуться друг от друга.

* * *

«На Путь пролилась кровь, много крови. Это могло не иметь значения, а могло значить многое. Я не слишком задумывался над этим: всему свой черед.

Схватку я наблюдал с интересом, надеясь увидеть что-то новое для себя — охотник должен знать, на какую дичь он охотится.

Что ж, они мне понравились, по крайней мере, пятеро из них. Теперь ясно, что выйти одному против всех было бы слишком самонадеянно. А ведь была такая мысль — доставить себе удовольствие.»

* * *

Ночь прошла спокойно. Дианора, несмотря на вчерашние переживания, спала крепким младенческим сном и проснулась последней.

Едва она приподнялась, озираясь вокруг еще сонными глазами, как ей вручили огромный кусок холодной свинины, хлебную лепешку и флягу с вином, от кислого запаха которого ей снова сделалось дурно.

— Ешь быстрее, — буркнул Конан. — Давно пора уходить отсюда.

Киммериец стоял, выпрямившись во весь свой гигантский рост, и оглядывал безмятежную гладь неподвижного озера.

Внешне он был спокоен, но рука, сжимающая рукоять кинжала, выдавала его внутреннее напряжение, впрочем, не замеченное его товарищами.

— Доброе утро, — приветствовал Дианору Сервах.

Девушка подумала, что улыбка шемита — или кем он там был — скоро будет сниться ей по ночам, и эта мысль была ей приятна.

— Послушай, Конан, ты видел, что она выделявала там, на поляне? О, боги, на это стоило посмотреть! Как она срезала пикта одним ударом!

Слова Серваха взмутили в душе Дианоры еще бурливший там неприятный осадок.

Сомнительный комплимент следопыта — хотя Эрлик его знает, может на востоке такое и принято — вызвал на бледном и осунувшемся лице аквилонки пунцовую краску стыда: если бы не меткий удар Серваха, сейчас бы она тут не сидела!

Ко всему этому примешивалась непонятная досада на киммерийца, который пропустил слова шемита мимо ушей, и даже спиной к ним повернулся, продолжая всматриваться, прислушиваться и даже, как показалось Дианоре, принюхиваться к чему-то.

Солиус Обоерукий, правя на камне один из своих клинов, промычал нечто похожее на одобрение, а Хендрик Большая Лапа обронил со значением:

— Всегда отрадно, когда можешь рассчитывать на добрый меч спутника.

Из зарослей вынырнул Кот, весь мокрый от росы и какой-то взъерошенный. Его подвижное лицо на сей раз выглядело озабоченным... Взглянув на разведчика, Конан шагнул ему навстречу, заслонив своей могучей фигурой от глаз остальных. Двух слов, брошенных ему следопытом хватило, чтобы он принял решение:

— Выходим, быстро! — приказал он, не оборачиваясь. — Сервах, иди вперед, Хендрик — следом! — и снова заговорил с Котом, устремив на маленького аквилонца пристальный взгляд своих льдисто-голубых глаз.

— Ходят за нами, Конан, — морщась, промолвил Кот. — Словно овец пасут.

— Думаешь, я не почувствовал?.. Заметил что-нибудь?

— Никого и ничего, — чуть ли не с отчаяньем воскликнул разведчик. — Я ведь вокруг все облазил! Дважды сам на свой след выходил и ничего! Но, клянусь Митрой, ночью был кто-то рядом. Носомчую, чужой близко, но он не по земле ходит, а летает, наверно, — роса не сбита, трава не примята, словно дух какой...

— Он и сейчас где-то здесь, — мрачно заметил Конан. — Или они... Впрочем, вряд ли их много, иначе бы напали...

— Если ты о пиктах, то успокойся, — Кот нервно усмехнулся. — Дикарей и на десять лиг нет вокруг.

— Тогда кто же это? — Конану, давно знавшему следопыта, совсем не понравилась ухмылка Кота.

— Не знаю! Мало ли в этих местах такого, с чем человеку лучше не встречаться! Ты это не хуже меня знаешь, — в словах разведчика сквозили нотки плохо скрываемой паники.

— Болотный демон?

— Возможно, хотя вряд ли бы эта тварь вылезла при дневном свете.

— Ладно, пошли догонять, — хмуро бросил Конан. — Нужно вместе держаться.

* * *

«Разговор двух людей немало меня позабавил. Ищите, ищите... Однако же и чутье у них! Меня, в моем нынешнем облике, не возможно ни видеть ни слышать, тем не менее они меня чуяли. Непонятно... Впрочем неважно: это их все равно не спасет.

Я уже почувствовал, как дрогнула ось, пока только чуть-чуть, но мне это послужило сигналом.

Воплотиться в человека я мог мгновенно, особенно если не нужно «лепить» себе тело, которое сам и выдумал.

Сегодня мне не хотелось быть скульптором, поэтому я превратился в юношу, чей образ подсмотрел ночью в снах девушки. Меня звали Клавдий... Красивый образец, а главное с сильным выносливым телом. Ладно, добавим чуть больше мышц... расширим грудь, усилим ноги... Вот так, прекрасно.

Мой Клавдий выглядел даже лучше, чем оригинал.

Теперь я был почти человеком и мог оставлять следы на земле — на радость смертным.

Мое совершенное тело привело бы в восторг даже самого взыскательного художника. Я был уверен, что мне хватит силы, помериться с любым из пришельцев, ступивших на Запретную тропу. А что до мастерства владеть клинком... я только усмехнулся про себя.

Однако какой меч мне выбрать? Прямой... изогнутый, длинный или короткий?

Любым оружием я владел виртуозно, но как у всякого искусного бойца, у меня были свои симпатии. Поэтому я взял легкий слегка изогнутый двуручный клинок с овальной небольшой гардой — на мой взгляд оружие идеальное, правда, вряд ли известное в этом мире... пока неизвестное.

Краешком сознания я ощущал, как успокоились весы. Я, владеющий

такой мощью, что мог шутя уничтожить все живое на сотни лиг вокруг лишь незначительным усилием воли, теперь превратился в человека, правда, не совсем обычного, но с возможностями не слишком выдающимися для этого мира. Равновесие не будет нарушено.

Азарт охоты жег меня. Бегите смертные, я ступил на тропу!»

* * *

Конан послал вперед Кота, чтобы он, как и накануне, шел во главе отряда. Маленький следопыт мог успешно состязаться в своем ремесле с самим киммерийцем, варвар это отлично знал и высоко ценил его таланты. Сервах, несмотря на многочисленные достоинства, все-таки уступал Коту, поэтому Конан не собирался долго держать вендица, а не шемита как думала Дианора, на столь ответственном посту. Сам киммериец замыкал их походный строй.

«Все-таки лучшим в лесу оказывается тот, кто в нем рожден, — думал на ходу варвар, не забывая кидать цепкие взгляды по сторонам. — Сервах — сын иной страны, его взрастили пустыня и горы. Попав сюда, он изумительно быстро всему научился, стал одним из лучших, но самым лучшим ему не стать никогда...»

Кот, тем временем, быстро скользил по следу Серваха, почти незаметному даже для него, и вдруг резко остановился, весь обратившись в комок нервов.

Отдаленный звук, явно чужой в слаженном и величественном голосе леса, хлестнул по слуху разведчика, словно тревожный набат. Кот с трудом слогнул и бесшумно обнажил меч. Пригнувшись, он чуть ли не бегом метнулся вперед, уже готовый к самому худшему. Тревожное карканье ворона заставило Хендрика остановиться и вскинуть арбалет.

Карканье повторилось. Следопыты молча переглянулись.

— Кот это, — сухо бросил Хендрик, — видать, беда.

Лицо Конана потемнело, глаза сверкнули синим огнем. Не сказав ни слова, он бросился в заросли, на ходу доставая оружие.

Через несколько мгновений весь отряд молча стоял над телом Серваха и сидящим на корточках рядом Котом. Маленький разведчик, нервно грыз ногти, отрешенно всматриваясь в окаменевшее лицо убитого друга.

Дианора, взглянув на Серваха, ощущала леденящую душу пустоту и резко отвернулась, непроизвольно закрыв глаза. Но даже так она продолжала видеть мертвый белозубый оскал, так жутко не похожий на

добродушную улыбку вендиго.

— Кинжалом по горлу... даже не вскрикнул, — хрипло сказал Солиус.

Дианора как-то отстранено удивилась — это были первые слова, услышанные ею от Оборукоого.

— Не кинжалом — мечом, — вяло поправил Кот. — Острым, как бритва. Кто-то возник перед ним внезапно, ударили... Но первый удар он отбил — я лязг слышал. А вот второй — не сумел... Когда я прибежал, Сервах еще скреб пальцами землю. Я было бросился по следу, но убийца хитер: тут в двух шагах, вон за теми кустами, ручей... В воде-то не много чего разглядишь... Но он не мог далеко уйти.

— Или удрал аж в Ванахейм, пока мы тут тебя слушаем! — взревел Хендрик, потрясая арбалетом. — Быстрее, ежели поспешиш, догоним его!

— Остынь, Большая Лапа! — Конан стиснул плечо стрелка. — Кот прав... Мы можем долго кружить по лесу, пока найдем убийцу... слишком долго. Кром! — зарычал он, сжимая огромные кулаки. — Дорого бы я дал, чтобы встретиться с этим мерзавцем лицом к лицу. Будь он проклят, ублюдок...

* * *

«... Встретишься, обещаю. Именно с тобой, и именно лицом к лицу. Посмотрим тогда, не превратится ли тогда твой грозный рев в щенячье поскуливание.

Приняв человеческий облик, я поневоле приобрел и кое-что человеческое.

Это было неизбежно но, вообще-то, не слишком меня тяготило: я никогда не смущался эмоций и часто давал им волю, отчего среди соплеменников и прослыл, как говорят в этом мире «белой вороной». Впрочем, прах моих высоколобых сородичей давно развеян по вселенной и помню о них только я, кому дарована высокая судьба — может именно из-за так презираемых ими эмоций.

Но, в самом деле, даже обидно выслушивать о себе эту чушь, которую несет верзила-варвар. Как его имя... Конан?

Я всегда даю своей жертве шанс, это меня возбуждает.

И на сей раз, появившись пред чернобородым, я специально промедлил, дав ему время что-либо предпринять.

Он оказался очень ловок — по людским меркам, конечно, — и удар нанесен был блестяще, но недостаточно. Ну, а потом... потом я открыл

счет трофеям!»

* * *

Похоронив Серваха, отряд продолжил прерванный путь.

Шли в угрюмом молчании: смерть товарища тяжелым грузом легла на душу каждого из них. Изменение направления, которое дал Клодий, было воспринято с ледяным безразличием. Конан только пожал плечами и молча повернулся в сторону, куда указал чародей, лишь скользнув по лицу мага тяжелым взглядом. Клодию почему-то стало не по себе.

Может быть из-за смутного беспокойства вечером, когда киммериец дал команду вставать на ночлег, он набрался мужества и подошел к варвару.

— Послушай, Конан, я хочу сказать, что Серваха убил не пикт.

— Я знаю, маг. Ты можешь сказать, кто это сделал?

— А... хм-м... — Клодий растерялся, переступил с ноги на ногу, покусывая губы, потом заговорил снова. — Неужели тебя это совершенно не удивляет?

— Очень удивляет, — честно признал киммериец. — Здесь неоткуда взяться человеку, который легко режет глотку одному из лучших клинков во всей Конаджохаре. И это посреди страны пиков! Я вот что скажу тебе, колдун, мне кажется, что сделал это вовсе не человек, и мы угодили в такое болото, откуда выбраться будет не просто.

— Для варвара ты слишком умен, киммериец. Да это не был человек, — Клодий выдержал прямой и острый, как клинок, взгляд темносиних глаз.

— Что ты хочешь сказать?.. — нахмурив брови, спросил Конан, вспомнив слова Кота. — Я видел следы — это следы не животного, а существа на двух ногах как ты и я, примерно моего роста, ловкого и умелого воина. Духи следов не оставляют, а отпечатки лап зверя, поверь, я всегда отличу от людских.

— Иногда и демон может принимать иное обличье, — назидательно сказал маг. — Поверь, в этом я разбираюсь...

Конан вздрогнул.

Кот, оказавшийся поблизости и услышав обрывки их разговора, подошел и сел на землю рядом с киммерийцем. Клодий покосился на следопыта и замолчал.

— Говори, — приказал Конан. — Все, что видел, что чувствуешь, все о чем знаешь.

— Я, как тебе известно, чародей не из первых, — начал Клодий, облизнув пересохшие губы. — У меня был очень хороший учитель и не его вина, что ученик оказался слаб духом, и слишком жаден до радостей жизни. Но кое-что я все-таки усвоил. Сейчас я чувствую рядом Силу. И эта Сила нам враждебна. В этом я твердо уверен.

— Я слышу откровенье Митры, мои уши открыты, — съязвил Кот и вздохнул. — Жаль Серваха!

— О прочем я могу лишь догадываться, — Клодий замялся и снова облизнулся. — Дело в том, что дорога, по которой мы идем... путь, что я указал в начале этого путешествия, не совсем обычен... Он соединяет миры, если вы способны это понять?

— Нет, — откровенно признался Кот, но весь как-то сжался от слов чародея.

— Мое незатейливое волшебство, могло каким-то образом потревожить Силы и привлечь их в наш мир, — наконец выдавил Клодий, напряженно глядя на меч, лежащий на коленях киммерийца.

После таких слов Конан запросто мог его выпотрошить в порыве гнева — с этого варвара станется... Но Конан молчал и Клодий решился продолжить:

— Я считаю, что Серваха убило одно из созданий, что живут за краем земного мира. Оно может принять человечье обличье, отсюда следы. Кто оно в самом деле пока мне неведомо. Но я могу попытаться узнать.

— Как это? — удивился Кот, и тут же прикусил язык, досадуя на собственную несообразительность.

Клодий усмехнулся одними губами:

— Я все-таки кое-что понимаю в Искусстве. Убийца Серваха бродит где-то неподалеку. Найти его много времени не займет.

— А сможешь ты уничтожить его? — после долгих раздумий спросил мага Конан. По силам тебе это?

— Сделаю все, что смогу, — пожал плечами Клодий. — В магических делах ничто нельзя предугадать заранее.

* * *

«... Надо же чуть не попался... Совсем выпустил колдуна из виду, решил, что дело сведется к игре мечами.

Ну и получил, да так, что сейчас, чувствуя себя совершенно обессиленным и разбитым, валяюсь тут, как гнилая колода.

Сам по себе колдун меня не интересовал. Но я совершенно забыл, какое сокровище нес он с собой.

Талисман многократно усилил его возможности, повернул Силу так, как и сам маг не ожидал, обрушив ее прямо на меня.

Многие из людей, пользующихся Силой в этом мире, мнят себя земными богами, а на самом деле даже не понимают ее природы. Их убогого воображения хватает лишь на такие примитивные вещи, как власть и бессмертие, да и этого достичь, как правило, они не могут. Таков закон.

Собственно говоря, я тут и нахожусь для того, чтобы закон соблюдался. Никакого не хватит разума, чтобы представить, что может случиться, если кто-нибудь пройдет тропой до конца и достигнет Источника.

...Но я недооценил этого чародея, потому что очнулся его Талисман. Эта крошечная частица мигом отыскала другую, родственную ей — то есть меня, чего и добивался колдун.

Он получил то, что искал, надеюсь, большего не узнал: я стал бороться и, хотя победа далась мне с трудом, сумел направить мага на ложный след.

Краем сознания я уловил, что отведенная мною волна, полетев куда-то на юг, стерла с лица земли деревушку за много лиг от этих мест.

И еще я ощущал, как вздрогнули и качнулись Весы.»

* * *

Клодий выл, словно побитый пес, катаясь по земле и охватив голову руками. Он выл не переставая на одной протяжной ноте, затихая только на миг, чтобы глотнуть воздуха. На него навалились, заткнули рот какой-то тряпицей, связали, но и после этого тело колдуна еще билось и корчилось в руках следопытов, будто раздираемое изнутри.

Дианора, онемев от ужаса, стояла в стороне, почти невидимая в наступивших сумерках... Возможно, из-за этого обстоятельства, или просто повинуясь порыву, следопыты вязавшие Клодия, не скучились на крепкие слова, которые обычно, не произносят при девушках.

— Что же он там увидел? — тяжело дыша, спросил Кот.

Он только что стянул руки мага тугим ремнем и еще не оправился от борьбы. У него был такой злобный вид, словно он сейчас пнет чародея.

— Что-то было такое, что заставило его потерять разум от страха, — ответил ему Конан. — Так может кричать только очень сильно испуганный человек.

Могучий киммериец стоял, скрестив руки на груди, и мрачно смотрел на извивающегося у своих ног чародея.

— Надеюсь, что он к нему вернется — буркнул Хендрик. — И чем скорее, тем лучше. Иначе не миновать нам беды...

Большая Лапа не стал договаривать, все и так уже были на взводе.

— Что «иначе»? — не выдержав, спросила дрожащая Дианора.

Гордая и самоуверенная аквилонка исчезла, вместо нее в окружении мрачных мужчин стояла напуганная, растерянная девушка, готовая вот-вот разреветься.

— Иначе придется кончать колдуна, — беспощадно отрезал Солиус
— И выбираться из леса!

Дианора окаменела.

После жестоких слов Обоерукого в ее душе будто разверзлась пропасть. Все ее естество в миг растворилось в стылой, безразличной ко всему пустоте. Из оцепенения ее вывел резкий голос Конана:

— В другой раз думай, что говоришь, приятель! Мы не можем его бросить. Он слишком нам нужен!

Солиус безразлично пожал плечами.

— Как скажешь, Конан. Хотя, нарушив закон Тропы, кому-то мы на мозоль наступили. Я за наши жизни теперь и гроша не дам.

— Что-то дешево ты себя ценишь! — нервно засмеялся Кот.

— Ну, раз Обоерукий заговорил, точно торгаш какой с рыночной площади — значит, в самом деле плохи наши дела, — без тени иронии заметил Хендрик.

Солиус еще долго пыхтел, удивляясь своему небывалому красноречию.

Тем временем, Клодий успокоился и свернулся на земле, подобрав под себя ноги. Глаза его мало-помалу приняли естественное выражение, и он с недоумением взирал на стоящих над ним следопытов.

Конан наклонился над колдуном.

— Визжать больше не будешь?

Маг попытался изобразить отрицание, что со связанными руками, да еще и кляпом во рту было весьма затруднительно. Конан, что-то ворча себе под нос, принялся резать ремни, крепко стягивающие чародея. Вскоре Клодий уже сидел, привалившись спиной к стволу дерева и, морщась от боли, растирал рубцы на руках.

— Вы видели? — прохрипел он, переводя взгляд мгновенно помутневших от ужаса глаз с одного следопыта на другого.

— Что мы должны были видеть? — пожал плечами Конан. — Ты как начал руками размахивать, словно мельница крыльями. Ну, а затем за

голову схватился и грохнулся на землю.

— Это все? Не может быть! Огненная дорога и смерч... — хриплый голос Клодия был едва слышен.

— Что ты там шепчешь?! — грозно прикрикнул на него Конан. — Говори толком, что ты увидел!

— Не знаю, — помолчав, ответил маг. — Внешне он выглядел как человек, но внутри его зияла пустота... там ничего не было! И в то же время в этой пустоте таилось нечто такое, чему нет названия ни в одном языке, мне даже сравнить это не с чем. Он заглянул мне в глаза, всего на один миг, а потом... — колдун устало замолчал, и на лице его отразился пережитый ужас — Я вдруг почувствовал себя необычайно сильным и попытался его ударить... От соприкосновения наших Сил родился смерч... Он рос иширился, а мир вокруг разлетался на куски — вместе со мной и с ним... В этой вспышке передо мной открылись такие бездны, куда не должен заглядывать смертный.

— Сейчас-то ты в порядке? — с сомнением спросил Кот, глядя на дрожащего и потеющего колдуна.

— Да, — как-то неуверенно ответил тот. — Со мной все нормально.

— Но ты не убил его, — скорее утвердительно, чем с сомнением произнес Конан.

— Трудно сказать, — Клодий спрятал лицо в ладонях, съежился у корней дерева. — Мне надо отдохнуть, — глухо сказал он. — У меня совсем не осталось сил...

— Отдыхай, — махнул рукой Конан, он даже не пытался скрыть досаду. — Всю ночь можешь отдыхать. Ты тоже ложись, Кот. Будем по двое караулить — сначала мы с Хендриком... Хендрик? Эй, Большая Лапа!

* * *

«Он шел прямо на меня. Бесшумно, крадучись, он подходил все ближе и ближе. Наша встреча была неминуема. Жаль, я находился не в лучшей форме после поединка с чародеем, а приближившийся человек был очень силен, я это чувствовал.

Если этого требуют обстоятельства, я могу убивать и в спину.

Но сейчас был иной случай — я находился не в выгодном положении — валялся на траве и противника поздно заметил.

С трудом поднявшись, я оказался с ним лицом к лицу. На краткий миг я коснулся его сознания...

Я не стал обнажать меч, ведь его товарищи находились всего в полусотне шагов. Услышь они предсмертный крик или звон стали, мигом бы примчались сюда, а встретиться с ними со всеми, мне сейчас не хотелось.

Поэтому, бросившись на врага, я вцепился ему в горло. И был удивлен, почувствовав в тот же миг на своей шее железную хватку этого человека. Он оказался быстр, слишком быстр для простого смертного.

Мы застыли друг против друга, как два каменных изваяния. Он так сдавил мне горло, что очень скоро я почувствовал, что мне становится нечем дышать.

Я резко отпустил его глотку и тут же ударил в висок.

...Звериная его хватка ослабла. Дальше все было просто.

В голове у меня мутлилось, но действовал я уверенно — хотя и не так, как бы мог...

Без сил я свалился рядом с обмякшим телом стрелка, жадно глотая горячий воздух.»

* * *

Ночью никто не сомкнул глаз. Лишь, когда зарделся рассвет, Дианора задремала возле маленького костерка. Смерть Хендрика совсем ее сломила.

Отныне она не хотела ничего, кроме одного — открыть глаза и оказаться в отцовском дворце в Тарантии.

Когда девушка проснулась, то первое, что она увидела, был невысокий холмик свежей земли. На могиле лежал арбалет следопыта.

Дианора, опустившись на колени, робко провела дрожащими пальцами по полированному дереву ложа, и вдруг вспомнила, как нежно Большая Лапа касался своего оружия...

— Он сам его сделал, — тихо сказал Кот. — Возился с ним несколько лун... Говорил, что лучшего арбалета нет во всей Аквилонии.

— Хендрик скромничал, — вздохнул Конан. — Лучше этого самострела я не видел нигде.

— Как его убили? — не оборачиваясь, спросила она.

— Свернули шею, — коротко ответил киммериец.

— Руками, — подтвердил Кот, — сначала они с ним схватились — по следам видно, топтались долго. Потом Хендрик упал... и больше уже не поднялся.

— Нам уже пора уходить, — напомнил им Солиус.

— Погодите, — Дианора напряженно глядела на арбалет.

Неожиданно она поняла, что уже давно должна была сделать, и сердце девушки бешено заколотилось.

— Мы возвращаемся, — взяв себя в руки, объявила она.

— Нет! — тут же выкрикнул Клодий.

— Нет! — одновременно рявкнул Конан.

Киммериец и колдун уставились друг на друга. Чародей покраснел, тонкие губы его скривились — казалось, он вот-вот заплачет. Варвар был мрачен, спокоен, только в глубине его глаз тлел огонек едва сдерживаемой ярости.

— Хватит смертей! — закричала на них Дианора. — Я вела себя как девчонка, когда решилась на эту затею! Каким золотом я оплачу смерть двух людей, доверившихся мне?!

— Они знали, куда идут, — попытался успокоить ее Кот.

— Послушай меня, — тяжело роняя слова, заговорил киммериец. — До сих пор это все было только твоим делом, в котором мы тебе помогали. Сейчас положение изменилось, кто-то хладнокровно убивает наших друзей. Если кто хочет вернуться, удерживать никого я не стану, но пойдете вы без меня!

— Я с тобой, Конан, — бросил Солиус.

— Я тоже, — хищно ощерился Кот. — Сет и Митра! Клянусь, он от нас не уйдет!

— Но ведь мы не можем вслепую гоняться за ним... — сказал Конан, все еще глядя на Дианору.

— А в этом нет надобности, — вступил в разговор Клодий. — Надо идти дальше по Тропе, держаться вместе, и тогда убийца сам выйдет к нам. Вместе его и встретим.

— Колдун, ты, наверное, все же повредил себе разум, — нехорошо усмехнулся Кот.

— Нет, Кот, на этот раз он прав, — покачал головой Конан.

То, что Дианора оказалась одинока в своем стремлении скорее вернуться к Черной Реке, не слишком ее уязвило. Наоборот, она испытала странное облегчение. Теперь их безумный поход обретал смысл — мщение!

— Колдун прав, — повторил Конан. — Вы пойдете все вместе. Думаю, наш приятель не рискнет напасть на четверых.

— Четверых? А как же ты?..

— Я буду поблизости, — киммериец улыбнулся, и Дианора, увидев его улыбку, содрогнулась.

* * *

«Мне следовало поспешить. Идти им оставалось не так уж далеко, нужно не пустить их к Источнику.

С другой стороны этот Конан бросил мне вызов. Хотя он говорил негромко, но говорил он для меня, будто знал, что я могу его слышать. Может догадывался... И я не мог отказаться. Но и допустить, чтобы колдун добрался до Источника, я тоже не мог! Суть-то именно в чародее. Остальным вообще невдомек, куда и зачем их ведут.

Я мог бы убить только мага, но я все-таки был охотник.

Долг или честь?

Нет, наверное, после вчерашней схватки я совсем разучился мыслить!

Управлюсь с варваром, и займусь остальными.»

* * *

Валлан молча смотрел на грязного, одетого в какие-то лохмотья человека, который сидел за столом в его комнате и с чавканьем жрал. Именно жрал — со звериной жадностью поглощал пищу, не делая разницы между чечевичной похлебкой и хлебом.

Еще месяц назад этот грязный оборванец был графом, который славился своей гордыней и чопорностью.

В недобрый час королевская воля послала его на границу.

Как звали графа, сидящего сейчас перед ним, Валлан не помнил. Это не имело значения.

— Значит, Клавдий мертв? — ровным голосом переспросил он.

Человек оторвался от кувшина с вином и взглянул на Валлана осоловелыми глазами.

— Да, я же говорил... Бедняга не вынес пыток. Его привязали к столбу и издевались над ним целый день. Когда он умер, ему отрубили голову, насадили на копье и долго показывали толпе, а тело бросили псам... Мне просто чудом удалось бежать. Мысль о том, что я буду следующим, наверное, придала мне сил: я сумел освободился от пут и, убив часового, укрылся в лесу. Помню все очень смутно: куда шел и сколько... Погоня за мной была, и как мне удалось их сбить со следа — до сих пор не пойму. Да, мне повезло! Не представляю, как бы я выжил в пиктских дебрях, находясь в здравом уме!

Граф коротко рассмеялся и снова припал к кувшину.

Валлан вежливо кивал, но мысли его были далеко. Да, ему повезло, неслыханно повезло. Так повезти может только раз в жизни. А вот Конану и тем, кто пошел вместе с ним, не позавидуешь.

Жаль киммерийца, жаль эту глупую девчонку из Тарантии. Была ли она околдована магом, или слепая любовь заставила ее поверить лжи чародея?

А чего добивался сам Клодий? Что он там ищет в самом сердце Конаджохары?

Для каких тайных целей ему понадобились искуснейшие следопыты, вернее — Валлан достаточно пожил на этом свете, чтобы научиться догадываться об очевидных вещах — их жизни и жизнь девушки?

* * *

Оставшись один, Конан стоял некоторое время неподвижно, прислушиваясь и взглядываясь в темно-зеленую завесу леса.

Вскоре шум шагов ушедших товарищей стих. Дольше всего была слышна неверная, тяжелая поступь колдуна, но вот и его шаги растаяли где-то в дали. Конан ждал. Сейчас все чувства, все инстинкты варвара были напряжены до предела. Он не сомневался, что демон — или кто он там был на самом деле — откликнется на брошенный им вызов.

Киммериец ждал, застыв, словно мрамор, и весь обратившись в слух. Он надеялся, что сможет услышать даже незначительный шум шагов, ведь убийца оставил за собой следы. Враг умел ходить быстро и тихо, но не настолько, чтобы обмануть варвара.

Где-то справа хрустнула сухая ветка.

Сердце варвара успело ударить дважды, и киммериец вновь услышал шум — шорох опавшей листвы под ногой человека, который крадучись приближался к поляне.

Губы скривила волчья усмешка. Конан бесшумно скользнул в заросли.

План его был прост: описав круг по лесу, вернуться к поляне и сперва посмотреть на того, кто голыми руками свернул шею Хендрику и одолел Серваха на мечах.

След убийцы Конан нашел без труда и осторожно пошел за ним. Роса, сбитая с травы, едва примятый мох, и даже четкие отпечатки босых ног на влажной земле ясно указывали ему путь. Но, пройдя с десяток шагов, Конан вдруг поднял голову и остановился. Голубые глаза варвара

потемнели.

— Кром, игра, кажется, будет интереснее, чем я думал! — пробормотал он и, отступив в гущу ветвей, замер, напряженно размышляя над увиденным.

С этого места, где сейчас стоял киммериец, поляна с могилой Хендрика просматривалась как на ладони. Сейчас там не было никого. Убийца тоже был здесь и наблюдал за ним, а потом исчез, растворился, словно был соткан из тумана. При мысли об этом у Конан противно засосало в желудке.

Значит, убийца решил принять предложенную игру.

Зачем? Чтобы доказать свое превосходство?! Или потому, что он не уверен в собственных силах?

Можно было не двигаться с места и терпеливо дожидаться врага, но Конан не собирался этого делать.

У него появился шанс увлечь убийцу в сторону от отряда.

Поединок с таким противником был очень опасен, и варвар не хотел рисковать. Киммериец бесшумно скользнул в глубь зарослей, не стараясь скрывать следы. Он был уверен, что демон пойдет за ним. Должен пойти.

* * *

«Несчастный глупец! Мысли этого варвара я понял, даже не пытаясь в них заглянуть. Думает увести меня подальше от остальных, выбрать момент и ударить из засады. Впрочем, он вовсе не глуп; просто не знает, что Тропа не даст уйти ему в сторону.»

* * *

Конан с быстрого шага вскоре перешел на бег и бежал до тех пор, пока не нашел, что искал: дерево с такой густой кроной, которое могло бы надежно укрыть даже такого крупного человека, каким был киммериец.

Варвар, не замедляя бега, пронесся рядом с ним, пробежал еще полсотни шагов, сделал круг, и вернулся назад. Уловка, конечно, старая, но почему бы ей не сработать?

* * *

...Он притаился на дереве. Признаться, я ожидал от него большего. Листва густая, и скрылся он мастерски, ничего не скажешь. Лишь приглядевшись, я увидел просвет в листве, сделанный рукой человека.

Я вижу тебя, киммериец!

Пора с этим кончать и возвращаться к твоим друзьям. Жаль так скоро обрывать игру, но вблизи от Источника время и расстояния могут вести себя странно.

Я подошел к дереву и поднял голову.

— Слезай! И меч наверху не забудь...

Я не договорил: к моей шее, прижалось холодное и, готов поклясться Великой Бездной, дьявольски острое лезвие.

— Не забыл, — прощедил Конан сквозь зубы. — Тебе лучше не двигаться. Брось оружие.

— Зачем?

Конан на миг растерялся от такого вопроса.

— Все равно будем драться. Ты ведь не собираешься убивать безоружного? Убери свой меч и поговорим, если хочешь.

— Нам не о чем с тобой говорить, — грозно бросил киммериец, усиливая нажим.

— Ну, например, мы можем побеседовать о твоих друзьях и той смертельной опасности, что им сейчас угрожает. Если, конечно, тебя интересует их судьба.

— Почему я должен тебе верить? Избавившись от тебя, я окажу им большую услугу, — хмыкнул Конан.

«Ось весов снова дрогнула... На этот раз гораздо сильнее. И не так уж трудно было догадаться, что послужило тому причиной — маг слишком близко подошел к Источнику. Я ошибся приняв игру варвара, и теперь вынужден сам выпутываться из этого. Не многое я мог с клинком у горла — он не разочаровал меня.

Но почему бы не сказать ему правду? Сумеет ли он это понять? Хотя... разве есть у меня выбор?»

— Они погибнут, если колдун приведет их туда, куда он всеми силами стремится.

Конан долго молчал, обдумывая услышанные слова, затем опустил меч и отступил на шаг.

— Говори, — резко приказал он. — Я догадывался, что маг что-то задумал...

Демон обернулся, и киммериец невольно отшатнулся.

— Клавдий? — изумленно выдохнул он.

Варвар замешкался, и это едва не стоило ему жизни. Хищно изогнутый меч коротко блеснул в лучах солнца. Удар был настолько быстр, что Конан даже не пытался его отразить, но инстинктивно отпрыгнул назад. Рассекающий воздух звенящий клинок упал на кольчугу, но лишь скользнул по ней, разрезая стальные кольца, как щелковые кружева.

Демон снова атаковал, и киммерийцу пришлось защищаться. Кривой меч так и мелькал у него перед глазами со сверхъестественной скоростью.

Через несколько мгновений Конан понял, что он еще жив только чудом.

Еще через три или четыре удара сердца, варвару стало ясно, что это чудо не может длиться вечно. Даже его звериная ловкость не спасет от урагана ударов, который сыпался на него со всех сторон.

А демон наступал — ровными, четкими шагами; его тусклые беспощадные глаза глядели сквозь киммерийца, и варвар видел в них свой приговор. Сама смерть смотрела на него неотвратимым взглядом.

«...Весы. О, мудрость Ушедших, что с ними такое?!..»

Конан почувствовал, как в груди у него разгорается яростный огонь. Он никогда не отступал перед земными врагами и не собирался уступать демонической силе.

Воззвав к киммерийскому богу, варвар ринулся в отчаянную атаку.

Противники сшиблись, как сшибаются на гладиаторской арене запряженные четверками лошадей колесницы. Бросок был стремителен и неудержим.

Демон не успел отвести в сторону клинок Конана и принял на свой меч всю силу удара. Громко лязгнула сталь, и оборотень пошатнулся. Но через миг он восстановил равновесие, и его грозный меч вновь был нацелен на киммерийца, только теперь ему приходилось защищаться от неистовой атаки варвара, которым овладело боевое безумие.

Гнев, вообще, скверный советчик, а для человека вступившего в игру со смертью — тем более. Но Конана преступил эту черту. Кипя бешенной яростью варвар атаковал с неистовством бури, вращая своим огромным мечом с такой быстротой, что оборотень просто не мог улучить случай, чтобы нанести ему смертельный удар. Но защита его была безупречна.

Лязг клинков слился в непрерывный протяжный гул.

Казалось невозможным, что существо из плоти и крови может так долго выдерживать столь стремительный темп и нарастающее напряжение боя.

И не выдержала сама Природа. Что-то стронулось в глубинах Сущего, нарушился четкий и неторопливый ритм Бытия, неведомые и непонятные

никому из смертных — а, может, и бессмертных — пласти Времени и Пространства, Прошлого и Грядущего, Сиюминутного и Вечного, дрогнули и стали медленно смещаться, дробиться, расползаться, как гнилая ткань. Все вокруг стало зыбким, неверным, медленно, но неотвратимо меняющимся.

«Весы! Проклятый варвар! Почему я с ним медлил?

Но может быть, еще не поздно? Каждый миг грозит стать роковым...

Убить варвара и мчаться к Клодию? Нет, тогда уж наверняка не успею...»

Воздух надрывно взывал, когда кривой меч, и так мелькавший, будто молния, стал почти невидим. Демон, оскалив зубы, бросился вперед, и все началось сначала.

Щеку, предплечье и бедро Конана обильно заливала кровь, на обнаженном теле противника не было ни царапины. Дыхание человека с хрипом вырывалось из груди, мышцы налились свинцовой тяжестью, демон же не выказывал признаков усталости. Но в голубых глазах киммерийца полыхал яростный боевой пламень, а в глазах оборотня плескалась досада. Конан это видел и держался из последних сил, неистово вращая мечом.

Небо внезапно потемнело. Мрак был багровым, как бывает, когда в ночи мерцает зарево далекого пожара.

И демон вдруг отпрянул в сторону.

— Будь ты проклят! — в отчаяние крикнул он, и в голосе его смешались боль и ярость. — Будь ты навеки проклят, киммериец! Ты сгинешь в огне, который вызвал сам! Еще пожалеешь, что не принял смерть от моей руки!

С последними словами он исчез.

Конан стоял, шатаясь, мутными глазами глядя на место, где только что находился оборотень. Варвар по привычке осмотрел весь в зазубринах меч и вложил клинок в ножны.

Мир вокруг него изменился. Что-то ушло из могучего, древнего леса. И заросли казались неживыми, и трескотня сорок казалась мертвой. Он не чувствовал какой-либо угрозы, но глядя на неясные, смутные тени, перебегающие между деревьями, смахнул рукой капли пота, стекающие по его лицу.

Лес медленно заполняло дыхание иной, чуждой жизни.

Или смерти?..

Ответа не было, и быть не могло.

Небо было черно, словно сажа, а на нем горел багровый глаз солнца,

чуть не вдвое больше обычного, испещренный язвами бурых пятен. В лесном сумраке дрожали хаотичные огни, то возникая у самой земле, то взлетая к верхушкам деревьев.

Вспышки сменялись мерцающими цветными каскадами, струящимися по стволам вверх и вниз.

А тьма над головой разродилась пурпурным дождем, будто само небо истекало кровью. Крупные алые капли медленно сползали с неподвижных, словно вырезанных из жести листвьев, с окаменевших древесных стволов, с высоких стеблей мертвых трав и падали на растрескавшуюся почерневшую землю.

А жуткие тени, снующие то тут, то там, неясные в таком неверном свете, даже для острого глаза киммерийца, подступали все ближе, и с каждым мгновением их становилось больше.

Конан очнулся, как ото сна. Подгоняемый суеверным страхом он бросился бежать в ту сторону, куда ушли его друзья. О том, что он будет делать дальше, киммериец сейчас не думал.

Он бежал со всей быстротой, на которую был способен, дыша ровно и глубоко, будто и не было изнуряющего поединка.

Конан знал, что если не остановить чародея, может случиться непоправимое, — все вокруг говорило об этом. Демон, наверное, тоже спешил туда, где разворачивались основные события — к магу и остальным, и считал свое присутствие там более важным. Он так торопился, что даже подарил жизнь киммерийцу.

Лесные тени становились более четкими, приобретали форму, будто наливались живой плотью. Краем глаза Конан подмечал эти изменения, и кое-что из увиденного варвару совсем не понравилось.

Вдруг из-за дерева на него кинулась жуткая многорукая тварь. Не замедляя бега, Конан рубанул чудовище мечом и содрогнулся, услышав скрежет стали о сталь.

Тварь проскочила мимо, не обращая внимания на варвара. Стиснув зубы, киммериец ускорил свой бег. И тут внезапно перед ним разверзлась пропасть, чернее самой темной ночи и липкий мрак поглотил его...

* * *

Вершина невысокого холма — круглая, ровная, поросшая чахлой травой, по-осеннему сухой и желтой, хотя стояла середина лета. Лесные заросли резко обрывались у подножия, словно наткнувшись на невидимую

стену.

На макушке холма врос в землю гладкий белый камень, на котором недвижно лежала обнаженная женщина.

Над холмом ярко светило солнце, дул легкий ветерок, а в лесу царил полумрак, расцвечиваемый вспышками зарниц, и бушевал свирепый ураган.

Треск ломаемых стихией стволов и завывание бури едва достигали вершины, хотя до леса было не более сотни шагов. Там, внизу, клубился багровый туман, метались среди деревьев чудовищные фигуры, слышались крики и чей-то вой, перекрывающие рев урагана. А на вершине было светло и покойно.

Девушка, несомненно, была жива: грудь ее мерно опускалась и поднималась в такт тихому дыханию, которое бывает у спящих.

Гораздо больше походил на мертвеца человек, стоявший рядом с жертвенным камнем. Заострившийся нос, восковой цвет лица, ввалившиеся глаза, обведенные черными кругами — нелегко дались Клодию последние дни.

Девушка на камне, была Дианора. У подножия холма, лицом вниз, лежало тело Солиуса, сраженное в спину подлой рукой предателя.

Клинок пронзил тело насквозь и глубоко погрузился в пропитавшуюся кровью землю.

Клодий склонился над Дианорой и простер заметно дрожавшую руку над ее головой. Спекшиеся губы колдуна шевельнулись.

Заклинание подействовало, и девушка открыла глаза. Несколько мгновений она непонимающе смотрела на изменившееся лицо Клодия, а затем тело ее судорожно дернулось, выгнулось дугой, но руки и ноги остались неподвижны, будто приросшие к камню.

Клодий зловеще улыбнулся. Теперь он — хозяин ее жизни и смерти, ее судьбы; он — всесилен! Сотни раз представлял он себе, что скажет ей в этот миг, к которому шел долгие годы, какое торжество будет звучать в его речи...

Однако вопреки грезившимся мечтам с языка сорвались совсем иным слова, и тон их был другим, совсем не таким, каким маг его представлял.

— Любимая, — с нежностью произнес он.

И в этом единственном сказанном слове было столько тепла, столько ласки, что Дианора невольно замерла на каменном холодном ложе, с недоумением прислушиваясь к голосу чародея, как будто слышала его в первый раз.

— Ты считаешь меня предателем? Ты боишься меня? Да, я заслуживаю

презрения. Я обманул тебя — это правда. Ведь я так любил тебя — страстно, преданно, безнадежно, любил всю свою жизнь, а ты даже не желала этого замечать. Нет, ты не знаешь, какая это была пытка, видеть тебя каждый день.

И тогда слепое отчаяние помрачило мой разум. Вот почему я стал магом, — чтобы с помощью колдовства растопить лед в твоем сердце. Но далеко не каждому под силу овладеть искусством. Я трудился упорно, постигая премудрости ремесла, и вдруг с ужасом осознал, что у меня ничего не получится. Почему, спросишь ты? Да, просто потому, что я был слишком слаб. Слаб от любви к тебе, Дианора! Ты и понятия не имеешь, о чем думает человек, утративший последнюю надежду! Откуда тебе это знать, ведь ты имела все, что хотела, стоило лишь пожелать...

Когда я понял это, то, чтобы заглушить свою боль, с головой погрузился в древние манускрипты, написанные давно забытыми, мертвыми языками, надеясь — хотя бы за счет чужой мудрости восполнить собственную бездарность. И вот, в одном из пыльных свитков я нашел то, о чем не смел и мечтать.

Там говорилось о талисмане — осколке небесного камня, — и тот, кто сумеет соединить осколок и целое, станет могущественнее самих Богов! Но главное, я знал, где его искать — он пылился в одном из сундуков учителя.

И тогда я решился на подлость, и в первый, но, увы, не в последний раз пошел на предательство.

Сначала я украл талисман, а позднее разделся и с учителем.

Это было не так уж и сложно... Что ж, я сделал свой выбор. Но я тогда не знал, как это будет трудно. За то, чтобы добраться сюда, многие заплатили жизнью. Я очень устал, — неожиданно произнес чародей. — Страшно устал, но теперь я стою на последней ступени к престолу Богов!

Он, неотрывно смотрел на прекрасное женское тело, распростертое перед ним, и в глазах его на миг вспыхнула прежняя страсть.

— Мой план возник сам собой: Клавдий исчез в Пиктских Дебрях, а ты была настолько глупа, что бросилась искать его в Конаджохару, и сама уговорила меня ехать с тобой. Ты ведь по-настоящему никогда его не любила? Просто убедила себя, а на самом деле... способна ли ты вообще любить?

Внезапно колдун замолчал. Его лицо исказилось, он уже не мог сдерживать обуревающее его желание.

— Из-за тебя мы оказались здесь, из-за тебя я стал убийцей, неужели ты этого не понимаешь?! О, если бы ты смогла меня полюбить, хоть чуть-

чуть, я отказался бы от власти над миром!

В зеленых глазах Дианоры горела такая ненависть, что Клодий отшатнулся, задыхаясь и судорожно глотая ртом воздух.

— Что ж, — промолвил он, глядя в сторону пустым, ничего невидящим взглядом. — Наверное тебе интересно будет узнать, что твоему красавчику Клавдию отрезали голову уже на третий день, как он попал в плен к пиктам. Ты тоже будешь умирать медленно, — продолжал маг. — Почувствуешь, как капля за каплей, вместе с кровью, уходит из тебя и жизнь... Право, не знаю, что будет с твоей душой, вряд ли предстанет она перед Митрой.

Ничто не дрогнуло в лице девушки, а Клодий так хотел, чтобы она боялась и молила его о пощаде — хотя бы взглядом.

Ветер в лесу взвыл с удвоенной силой, с треском валились вековые деревья, а до вершины холма долетал лишь невнятный гул.

Клодий снял с шеи кожаный шнурок, на котором висел маленький холщовый мешочек. Распустив тесьму, колдун извлек из него неправильной формы камушек размером с ноготь. Наклонившись, он вложил его в неприметную выемку на жертвеннике. Случайно или нет, но рука колдуна коснулась обнаженной груди Дианоры. Девушку вздрогнула от отвращения. Клодий захихикал и вновь провел рукой по ее телу.

— Вот так, — хрипло приговаривал он. — Так... Каменный пьедестал качнулся, потом еще раз... еще, задрожал, но вскоре дрожь сменилась частыми, мощными толчками, напоминающими удары сердца. С каждым ударом камень темнел, на глазах приобретая кровавый оттенок.

Маг облизнул сухие губы и зашептал заклинание.

Дианора зажмурилась от страшной боли, будто чьи-то невидимые руки пытались сдернуть ее с каменного ложа. Но заклятие Клодия держало надежно: на миг от боли в вывернутых суставах девушка потеряла сознание.

Закончив ритуал, колдун на мгновение замер, будто к чему-то прислушиваясь в ожидание вещего знака, затем вынул из-за пояса нож. Медленно, как во сне, он занес его над Дианорой... И будто раскаленная игла пронзила ей сердце. Она бы закричала, если бы только могла. Кровь не хлынула потоком из раны, а медленно стала стекать на маленький осколок, пока не залила его.

* * *

«Итак, я проиграл. Опоздал, несмотря на то, что в одно мгновение перенесся от места поединка сюда, к Источнику, вызвав силы, которые не имел права использовать.

Я нарушил запрет, тем самым лишь подтолкнув Мир к краю Бездны.

Один, я был уже бессилен что-либо сделать. Что ж, подождем, скоро варвар появиться здесь, если я хоть что-нибудь сумею в людях.»

Демон стоял и смотрел, чувствуя, как душит его бессильная ярость.

Буря, шутя ломавшая деревья, стихла, но он видел, что над холмом зарождается иная стихия — магический смерч, чудовищный по своей разрушительной мощи.

Умрет девушка, и никакие заклинания, никакой Талисман не удержат его.

— Любуешься своей работой? — угроза и насмешка звучала в этом вопросе, но демон даже не пошевелился.

Бросив взгляд через плечо, он просто ответил:

— А что еще нам осталось? Но ты ошибся на мой счет — это дело рук Клодия.

Конан подумал и оставил меч в ножнах.

— Ведь ты не человек; останови же его.

— Через холм к нему не пробиться. Он не здесь, не в этом времени, даже не в этом мире. Все, что ты видишь сейчас, лишь отражение иной реальности.

— Она погибнет?.. — киммериец кивком головы указал на жертвенный камень.

— Да, — равнодушно откликнулся демон. — Скоро мы все умрем. Мир рухнет в пустоту с последней каплей ее крови.

— Значит, нельзя дать ей умереть, — упрямо стиснув зубы, сказал варвар. — Неужели нет способа остановить колдуна?

Демон испытующе посмотрел на него.

— Способ всегда есть. Но даже не каждый бессмертный решится заглянуть за край вечности. Я ждал тебя. Хочешь испытать себя, киммериец?

— Что ты имеешь в виду? Разве мы не пойдем вместе? — с кривой усмешкой спросил варвар.

— Да, но каждый своей дорогой, и хорошо, если хотя бы один из нас дойдет до конца. Я страж Пути, и у меня есть ключ... Впрочем, ты вряд ли меня поймешь. Это будет как сон, но не дай себя обмануть, и если придется драться, то дерись в полную силу. Мы шагнем в бездну двое, но назад вернется один, может ты, а может я, кто знает, — такова цена этой

сделки с богами. Запомни лишь одно — надо идти вперед, только вперед! Идти, идти и идти — шаг за шагом, неважно, медленно или быстро, главное — не останавливаться, иначе силы тьмы тебя погубят! Ну что, готов ли ты к такому испытанию? — в вопросе демона прозвучала нескрываемая насмешка, и Конан заскрежетал зубами от гнева.

— Ты зря терял время, рассказывая эти сказки, — ответил он. — Давай покончим с колдуном, и мне не важно, кто из нас это сделает. Но обещай, если я не вернусь, пощадить жизнь девушки.

— Она будет жить. А теперь, — дай мне руку...

Демон закрыл на несколько мгновений глаза, а когда открыл их, лицо его изменилось до неузнаваемости, и в нем не осталось ничего человеческого. Но Конан уже не мог этого видеть.

* * *

Клодий сразу понял, что четкий в ритм ритуала грубо вмешалась некая враждебная сила. Кровь из пронзенного сердца Дианоры заструилась быстрее, и колдун вдруг ощутил, как сгостились и недобро застыли, будто выжидая, вызванные им из бездны стихии.

Еще вчера Клодий наверное испугался бы, но сейчас колдун превратился в другого человека. Он чувствовал себя непобедимым.

Одного мгновения ему хватило, чтобы понять, кто хочет помешать его планам: ничтожный человек и раб, осужденный вечно хранить дорогу к Источнику.

Теперь его сущность не представляла загадки и ничуть не пугала Клодия.

Он знал кто он, этот охотник, откуда он явился и как его уничтожить.

* * *

...Он был зверем. Могучие лапы отталкиваясь от твердой земли, легко несли его сильное, гибкое тело.

След был свежим, скоро, очень скоро жертва, сбитая стремительным броском, забьется его когтях, и он почувствует сладостный вкус ее крови. Вот вдалеке мелькнула спина убегающего человека. Мясо у людей нежное, но почему-то оно всегда вызывало у него отвращение.

Но он тигр, и был страшно голоден. Другой добычи ему не удавалось

найти уже несколько дней.

Двуногий вдруг повел себя странно. Зверь не понял, почему в ужасе убегавшая от него добыча остановилась, затравленно оглядываясь, и подняла суховатую палку.

Хищник замедлил бег — не из осторожности, а чтобы лучше подготовиться к прыжку. Человек нервничал, выделяя отвратительный запах, и смотрел то на тигра, не спеша подходившего к нему, то на вершину холма. Зверь тоже повернул голову — без всякого любопытства — и замер на месте.

Теперь он знал, почему остановился двуногий, предпочитая быть убитым им, а не тем, что катилось на него сверху. Понял, что и сегодня ему придется остаться голодным. Но не мог понять одного — почему он раньше не почувствовал это? Неужели голод настолько притупили его чувства?

По склону холма, медленно, но неотвратимо накатывалось нечто такое, с чем раньше ни зверю, ни человеку сталкиваться не приходилось. В этом мире не существовало названия для этой серой массы с бледными пятнами огромных глаз. Но зубы и когти тигр видел хорошо, много когтей и зубов, слишком много для него одного.

Волна бесформенных существ, наступала на человека и зверя, и никакая сила не смогла бы их удержать.

Надо спасаться! И бежать, бежать во всю прыть. Он успеет спастись, у него же четыре лапы, а не две, как у человека...

...А человек, конечно, погибнет. Он устал, обезумел от ужаса, он не может ни бежать, ни драться. Жаль, что его съест не он — голод был нестерпимым.

До передних рядов оставалось не более двадцати прыжков... Зверь не шевельнулся.

Присев на задние лапы, он скалил клыки и грозно рычал. Страха он не испытывал, страх был чужд его натуре — только досаду и злость. Злость, перерастающую в свирепую ярость...

А человек повернулся к нему спиной, и, казалось, совсем забыл о нем. Решительно поднял дубину, расставил пошире ноги и ждал. Он был готов умереть, но умереть сражаясь.

Тигр в любой миг готов был броситься бежать, но не двигался с места. Мерзкие твари с холма подбирались все ближе. Повинуясь непонятному для себя инстинкту, тигр прыгнул и мягко опустился на землю рядом с двуногим. Человек удивленно покосился на зверя, но тут же отвернулся и крепче сжал свое оружие.

Когда расстояние сократилось до прыжка, он не задумываясь прыгнул, испустив громовой рев. Удар огромной лапы превратил первого монстра, вооруженного устрашающими клешнями в безжизненный комок слизи.

Острые клыки сомкнулись, вырывая из тела врага огромные куски плоти. Человек прыгнул следом, и под ударом тяжелой дубины голова чудовища лопнула.

Извечные враги, человек и тигр, объединились в стремлении погибнуть, давая отпор неведомому врагу. Их союз был противоестественен, но разве не было противоестественным само вторжение в их мир серых тварей, выплюнутых невесть какой преисподней?

«Вперед, вперед, вперед!» — кружилась мысль в голове тигра, четкая, ясная, и зверь внутри него постепенно отступал. Передавить, разметать наползших на него чудовищ и достигнуть вершины холма.

Почему-то это было важно, какие-то смутные образы мелькали в его мозгу, но их заволакивал кровавый туман дикой ярости. Всю свою силу, всю ловкость использовал он для этого последнего боя. Вперед! Через кровь, груды плоти и тела еще живых врагов.

Тигр шел напролом. Рядом с ним неистово сражался человек, круша кости и черепа чудовищ, сплошь забрызганный бурой кровью.

Но тварей было слишком много... Сила и ловкость, позволившие им в начале схватки остановить волну врагов, иссякли. Оба были в крови от бесчисленных ран.

Огромная сучковатая дубина сломалась в руках человека. Без нее он должен быть умереть первым. Прямо сейчас. Человек это понимал. Знал об этом и тигр. На краткий миг их взгляды встретились. Двуногий усмехнулся и поднял руку, будто прощаюсь с ним. Вал серых тварей захлестнул их. Огромный зверь попятился, прикрывая человека своим телом.

Серый вал склонился так же внезапно, как и обрушился на них. Впервые с начала схватки твари заколебались, и отступили. Безумие зверя передалось человеку: вдвоем, бок о бок, они двинулись вверх по склону, наступая на медленно пятившихся чудовищ.

Человек все-таки погиб. Тигр последний раз взглянул на него, и в хищных глазах зверя застыло горькое сожаление. Он был отчаянно храбр этот двуногий. Зверь сделал последний прыжок и оказался на самой вершине...

..Меч в руке Конана взметнулся вверх и тут же опустился на голову колдуна, так и не прозревшего сквозь вечную пустоту свою смерть.

«Что ж, прощай, демон, но боги сделали между нами свой выбор», —

усмехнулся варвар.

Киммериец наклонился над Дианорой и резко вырвал нож из кровоточащего сердца...

...Не было ни холма, ни камня. Конан прикоснулся к стволу лиственницы, удивляясь почему вдруг у него закружилась голова.

Лес был удивительно тих и спокоен. Пахло мокрой хвоей и сопревшими листьями. В воздухе веяло особой свежестью, которая бывает после сильной грозы.

— Конан, Конан! — завопил Кот, бросаясь к киммерийцу из чащи. — Куда вы все подевались? Я искал вас повсюду! Где остальные? Да, что с тобой? — в голосе следопыта звучала неподдельная тревога.

— Со мной все хорошо, — устало откликнулся варвар, искренне радуясь встрече с другом. — Чего не как не сказать о других. Все, кто выжил — перед тобой.

— А она? — Кот сокрушенно покачал головой. — Она кажется больше мертвою, чем живой?

Он склонился над Дианорой, пытаясь привести ее в чувство. Через какое-то время это ему удалось, и девушка хрюплю закашлялась и забилась в сильных руках следопыта.

— Митра, какая гадость! — вскрикнула она. — Что за вонючей дрянью ты меня напоил?!

— Ну вот, все, кажется, в порядке. И зря вы так кричите, средство проверенное, — обиделся Кот, — травяной настой.

— О, Небеса... Объясните же, что со мной было? Я совсем ничего не помню.

Конан с Котом многозначительно переглянулись.

— Ты идти сможешь? — озабоченно спросил ее Конан. — Когда вернемся в Тускулан, я все вам расскажу.

— Я чувствую страшную слабость, но, думаю, что дойду, — ответила девушка и без помощи следопытов поднялась на ноги.

— Тогда я пойду вперед. — Конан тряхнул головой, будто прогоняя прочь неприятные мысли. — Путь предстоит нам неблизкий. Так что — вперед, и не останавливаться, как говорил один мой приятель!..